

Александр Бренер
Барбара Шуриц

Что делать?
54 технологии
культурного
соприкосновения
отношениям
власти
в эпоху позднего
капитализма

Оглавление

Первое предисловие: только цитаты	4
Второе предисловие: классификация сопротивлений	7
Третье предисловие: призыв к бунту	8
Технологии сопротивления:	
1. Полет в Мексику	9
2. Жить на крыше	10
3. Прикоснуться к носу Ханса Хааке	11
4. Плевать	12
5. Показать жопу	13
6. Демонстрация	
7. Баррикады	14
8. Кусать	15
9. Нетерпимость к государству	16
10. Носить	18
11. Быть Антоненом Арто	
12. Торт в физиономию	20
13. Стрелять	22
14. Артикулировать	24
15. Вонять	25
16. Требования к власти	26
17. Улыбка презрения	
18. Раздать деньги	27
19. Иметь при себе три тысячи долларов	28
20. Ходить без трусов	
21. Вырабатывать другую культуру	29
22. Плагиат	30
23. Зарыться в песок	31
24. Голодовка	
25. Быть суверенным	32
26. Противостоять артистическому двурушничеству	33
27. Стачка	36

28. Граффити	37
29. Быть художником	39
30. Быть непрозрачным	40
31. Быть прозрачным	
32. Уличные беспорядки	
33. Буквализм	41
34. Смеяться, хохотать	44
35. Действие со стулом	45
36. Ненавидеть	
37. Атака на скуку	46
38. Выёбываться	48
39. Куковать, квакать, кукарекать	49
40. Яйца в лоб	50
41. Принять душ	51
42. Любовь	
43. Стыдиться	52
44. Хихикать над этой книгой	
45. Прямое столкновение, конфликт	
46. Препарировать идентичность	53
47. Смотреть телевизор	
48. Быть номадом	55
49. Орать	56
50. Пулять из рогатки, швырять булыжниками, размахивать кулаками	
51. Ведать феминизм	57
52. Женщина-невидимка	58
53. Не существует	
54. Быть демократичным	
Послесловие	
Эпилог	59

Первое предисловие: ТОЛЬКО ЦИТАТЫ

Итак: технологии сопротивления. Что это означает? Да самое элементарное: анализировать формирование и репродуцирование методов борьбы с властью, способов и техник культурного и политического сопротивления. Анализировать, конечно же, не в рецептурных и позитивных терминах, а с позиций крайнего недоверия. «Борьба с властью» — это одна из тех формул, которые сразу вызывают оправданное сомнение. Начнем со второй составляющей этой формулы: понятие «власть» вызывает многочисленные недоразумения, касающиеся его значения, его формы и его единства. Что мы называем властью?

Во-первых, власть, как известно, есть совокупность институтов и аппаратов, которые гарантируют подчинение граждан в каком-либо государстве. Во-вторых, под властью мы также подразумеваем такой способ подчинения, который в дополнение к насилию имеет форму правила: законы, юридические уложения, социальные нормы. В-третьих, власть есть в нашем обыденном понимании всеобщая система господства, осуществляемого одной группой элементов над другими, господства, результаты которого через ряд последовательных ответвлений пронизывают все социальное тело. В-четвертых, однако, мы знаем, что власть осуществляется также и через идеологическое присутствие, невидимое и часто трудно опознаваемое, через коды сигнификации¹ (объяснение терминов в конце книги) и дискурсивные эффекты. В-пятых, под властью, как это уже очевидно, следует понимать множественность отношений силы, которые свойственны области, где они осуществляются, и которые конститутивны² для ее организации; понимать игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действенности, — стратегии, общий контур или же институциональная кристаллизация которых воплощается в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства.

Условие возможности власти не стоит искать в изначальном существовании некой центральной точки, в каком-то одном очаге суверенности, из которого расходились бы лучами производные и происходящие из него формы; таким условием является подвижная платформа отношений силы, которые вызывают постоянно благодаря их неравенству властные состояния, всегда, однако, локальные и нестабильные. Вездесущность власти: не потому вовсе, что она будто бы обладает привилегией перегруппировывать все под своим непобедимым единством, но потому, что она производит себя в каждое мгновение в любой точке. Власть повсюду: не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит. Еще раз: власть — это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен; это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе.

Следуя этой логике, можно выдвинуть ряд предположений:

- а) власть не есть нечто, что приобретается, вырывается или делится; власть осуществляется из бесчисленных точек в игре подвижных отношений неравенства;
- б) отношения власти не находятся во внешнем положении к другим типам отношений

(экономическим процессам, отношениям познания, сексуальным отношениям), но присущи им. Отношения власти не находятся в позиции надстройки, когда они играли бы роль простого запрещения или сопровождения; там, где они действуют, они выполняют роль непосредственно продуктивную;

в) власть приходит снизу; это значит, что в основании отношений власти в качестве всеобщей матрицы не существует никакой бинарной и глобальной оппозиции между господствующими и теми, над кем господствуют, — такой, что эта двойственность распространялась бы сверху вниз на все более ограниченные группы, до самых глубин социального тела. Скорее, следует предположить, что множественные отношения силы, которые образуются и действуют в аппаратах производства, в семье, в ограниченных группах, в парах, в институтах, служат опорой для обширных последствий расщепления, которые пронизывают все целое социального тела. Эти последние образуют при этом некую генеральную силовую линию, которая пронизывает все локальные столкновения и их связывает; конечно же, взамен они производят перераспределения, выравнивания, сериальные упорядочения эффектов расщепления. Главнейшие виды господства суть гегемонические эффекты, которые непрерывно поддерживаются интенсивностью всех этих столкновений;

г) отношения власти являются одновременно и целенаправленными, и несубъектными. Они насквозь пронизаны расчетом: нет власти, которая осуществлялась бы без серии намерений и целей.

Это не означает, однако, что она проистекает из выбора или решения какого-то индивидуального субъекта; не стоит искать некий штаб, который руководит ее рациональностью; ни каста, которая правит, ни группы, которые контролируют государственные аппараты, ни люди, которые принимают важнейшие экономические решения, — никто из них не управляет всей сетью власти, которая функционирует в обществе; рациональность власти есть рациональность тактик, которые, сцепляясь друг с другом, очерчивают в конце концов контуры целого. Здесь логика тоже ясна, намерения поддаются дешифровке, и все же случается, что нет уже больше никого, кто бы их замыслил, и весьма мало тех, кто бы их формулировал: очевиден не проявляющийся явно характер важнейших анонимных, почти немых стратегий, координирующих многословные тактики, «изобретатели» которых часто лишены лицемерия.

Этот феномен «власти без субъекта» или «стратегии без субъекта» формировался, как показали исследователи, в XIX веке через всякого рода механизмы и институты — парламентаризм, распространение информации, издательское дело, всемирные выставки, университеты и т.д. «Буржуазная власть» смогла выработать глобальные стратегии без того, однако, чтобы по отношению к ним следовало предполагать некоторого субъекта, явно репрезентирующего власть. (В XVIII веке такой представительной властной фигурой был, например король, но его власть не выражалась в столь глобальных и гибких стратегиях, как буржуазная власть - тонкая, мощная и связующая множество разнородных элементов.)

Именно концепция «власти без субъекта» возвращает нас к первой части данной нами формулы: «борьба с властью». Ибо принцип «бессубъектности», будучи безобидным в плане теоретическом по отношению к знанию и дискурсу, при переходе в поле практического, в область действия и праксиса, где действуют реальные люди и

происходят сражения, где с неизбежностью встает вопрос, кто сражается и против кого, — принцип «бессубъектности» здесь порождает серьезные и подчас дурные двусмысленности и не позволяет уклониться от вопроса о субъекте или, скорее, о субъектах. Итак, что же означает слово «борьба»? Кто, собственно, борется? Что это? Борьба классов? Политическое сражение за власть? Экономическая баталия? Военное столкновение? Партизанская герилля? Восстание народа против правительства? Борьба угнетенных против угнетателей? И еще один вопрос: где и когда «борьба с властью» переходит в «борьбу за власть»? В какой именно точке?

Но, в конечном счете, если последовательно рассматривать власть в понятиях «отношений власти», то можно в конце концов схватить связь, которая существует между «властью» и «борьбой», и ответить на вопрос о том, кто же эти противостоящие друг другу субъекты в «борьбе с властью», в «борьбе за власть». Это всего лишь рабочая гипотеза, но мы бы сказали так: все против всех. Не существует непосредственно данных субъектов, один из которых был бы пролетариатом, а другой — буржуазией. Кто борется против кого? Мы все боремся против всех. И в нас всегда еще есть что-то, что борется против чего-то в нас же самих.

Так обстоит, на наш взгляд, дело с «борьбой с властью» в теоретическом плане и в плане экзистенциального праксиса. Однако в политической реальности сохраняет всю свою актуальность противостояние между угнетенными и угнетателями, между рабами и господами. И в свете этого факта, как нам кажется, гораздо продуктивнее пользоваться другим понятием, гораздо более конкретным и ясным, чем понятие «борьба», — понятием «сопротивление».

Итак, опять-таки в теоретическом плане: там, где есть власть, есть и сопротивление или, скорее, именно поэтому сопротивление никогда (или, возможно, почти никогда) не находится во внешнем положении по отношению к власти. Следует ли тогда говорить, что мы неизбежно находимся «внутри» власти, что ее невозможно избежать, что по отношению к власти не существует абсолютно внешнего — поскольку мы будто бы неотвратимо подлежим действию закона? Или что если история является хитростью разума, то власть тогда является будто бы хитростью истории — той, которая всегда побеждает? Говорить так — значит забывать, что властные связи имеют характер отношений в строгом смысле слова. Они могут существовать лишь как функция множественности точек сопротивления: последние выполняют внутри отношений власти роль противника, мишени, упора или выступа для захвата. Эти точки сопротивления присутствуют повсюду в сети власти. Стало быть, по отношению к власти не существует одного какого-то места великого Отказа — души восстания, очага всех и всяких мятежей, чистого закона революционера. Напротив, существует множество различных сопротивлений, каждое из которых представляет особый случай: сопротивления возможные, необходимые, невероятные, спонтанные, дикие, одинокие, согласованные, ползучие, неистовые, непримиримые или готовые к соглашению, корыстные или жертвенные; по определению, сопротивления могут существовать лишь в стратегическом поле отношений власти. Это не значит, однако, что они представляют собой только рикошет, оттиск отношений власти, образуя по отношению к основному господству в конечном счете всегда только его пассивную изнанку, обреченную на бесконечное поражение. Сопротивления вовсе не являются приманкой власти или непременно обманутым обещанием. Они являются другим полюсом внутри отношений власти, они вписаны туда как некое неустранимое визави.

Они, следовательно, — и они тоже, — распределяются иррегулярным образом: точки, узловые пункты, очаги сопротивления с большей или меньшей плотностью рассредоточены во времени и в пространстве, стравливая — иногда уже окончательно — группы или отдельных индивидуумов, воспаляя отдельные точки тела, отдельные моменты жизни, отдельные типы поведения. Великие и радикальные разрывы, незыблемые и бинарные разделения? Иногда так. Но чаще всего имеют дело с подвижными и блуждающими точками сопротивления, которые вносят в общество перемещающиеся расслоения, разбивают единства и вызывают перегруппировки; которые прокладывают борозды в самих индивидуумах, перекраивают их и придают им любую форму, очерчивают в них — в их теле и в их душе — нередуцируемые³ области. Подобно тому, как сетка отношений власти в конечном счете образует плотную ткань, которая пронизывает аппараты и институты, в них не локализуясь, точно так же рой точек сопротивления пронизывает социальные стратификации и индивидуумные единства. И, несомненно, стратегическое кодирование этих точек сопротивления и делает возможной революцию, отчасти подобно тому, как государство основывается на институциональной интеграции отношений власти.

В заключение нам хотелось бы сказать несколько слов о том, что такое «технологии», или «техники», сопротивления. Что такое, например, политическая демонстрация? Или голодная забастовка? Или сидячая акция протеста? Что это, как не ретроспективно канонизированные методы сопротивления, рецепты и нормы сопротивленческого праксиса, благодаря которым сопротивление создает свою историю или, может быть, иллюзию своего прошлого. Возможно, технологии сопротивления — это всего лишь окостеневшие сгустки реальной политической борьбы, которая не всегда разворачивается в четко артикулированных и устойчивых формах. Или, может быть, эти технологии есть суверенные и конкретные человеческие прецеденты, которые лишь очень условно можно соединять в общие ряды. Очевидно одно: технологии сопротивления — это такие звенья сопротивленческой теории и сопротивленческого праксиса, которые как раз и связывают подчас дикие и непонятные, подчас банальные и суетные действия людей, одержимых идеей своего «освобождения».

Второе предисловие: классификация сопротивлений

Сейчас нам хотелось бы наметить самые грубые общности, без которых невозможно описывать разные техники сопротивления, а также те связи, которые существуют между этими техниками. Необходимо с самого начала договориться о простейших классификационных делениях, которые в дальнейшем могут быть легко отброшены или реорганизованы нашим анализом. Как нам кажется, продуктивнее всего наметить такие разделы, где связи между отдельными техниками сопротивления оказываются достаточно многочисленными, устойчивыми и относительно легко описываемыми. Например, мы предлагаем следующую классификацию:

- 1) традиционные политические и социальные техники сопротивления (демонстрации, баррикады, голодные забастовки и т.п.);
- 2) культурные техники сопротивления (скандалы, акции и перформансы, художественные провокации и т.д.);
- 3) индивидуальные (трансгрессивные) техники сопротивления.

Что может нам дать такая весьма грубая классификация? Во-первых, она вводит техники сопротивления в рамки исторического рассмотрения. То есть она позволяет увидеть те или иные сопротивленческие жесты внутри породившего их контекста и дальнейшее вынесение их за скобки этого контекста — «эволюцию» или «деградацию» этих жестов. Так, например, традиционные политические техники сопротивления выглядят весьма зависимыми от исторических и географических обстоятельств их порождения и воспроизводства. Сидячая забастовка в Германии и в Индии — нечто совсем разное, хотя и там, и здесь — это сидячая забастовка.

Во-вторых, наша достаточно приблизительная классификация указывает на то, что мотивы сопротивленческих действий могут быть очень различными. Индивидуальные сопротивленческие жесты потому и являются индивидуальными, что могут мотивироваться субъектами самым удивительным и непредсказуемым образом. С другой стороны, политические и культурные техники сопротивления легче определяемы и обычно глубоко укоренены в той или иной общественной традиции. Что тоже вовсе не исключает разрывов и трещин внутри самых близких типологически жестов.

И еще одно соображение. Дело обстоит совсем не так, что, с одной стороны, есть технологии власти, а с другой — технологии, которые этой власти противостоят. Техники являются тактическими элементами или блоками в поле отношений силы и бессилия; внутри одной и той же сопротивленческой (или властной) стратегии могут уживаться самые различные и даже противоречащие друг другу технологии; и наоборот, они могут обращаться, не меняя своей формы, между противоположными стратегиями. У технологий не стоит спрашивать, из какой подразумеваемой теории они проистекают, или какие моральные разделения они воспроизводят, или какую идеологию — господствующую или же ту, над которой господствуют — они представляют. Их следует скорее расспрашивать на двух уровнях: на уровне их тактической продуктивности — какие политические и культурные эффекты они обеспечивают в данном социальном пространстве, и на уровне их стратегической интеграции — какое стечение обстоятельств и какое отношение силы делает их использование необходимым в таком-то и таком-то эпизоде происходящих столкновений.

Третье предисловие: призыв к бунту

А сейчас нам хотелось бы на минуту расстаться с рассудительным тоном и закричать во все горло: бейте власть по голове! И по рукам! Бейте ее везде и всюду, здесь и сейчас, в себе самих и в окружающем мире. Уничтожайте знаки и символы власти, ее механизмы и институты! Разрушайте тюрьмы! Пусть полиция исчезнет с лица земли! Современные аппараты культуры абсолютно изжили себя! Армию — ко всем чертям! Образование должно быть радикально реорганизовано! Наши науки превращают нас в инвалидов и мракобесов! Долой их! И наконец — государство! Необходимо прихлопнуть его раз и навсегда!

Как видите, у нас много дел. Так вперед же, дохлые котят! Вперед, дети рябчиков и пауков!

I. Технологии сопротивления: полет в Мексику

Мы открываем наш словарь технологий сопротивления статьей «Полет в Мексику» в силу сугубо автобиографических причин: в феврале 1998 года мы совершили путешествие в Мексику с целью побольше узнать о революционном движении сапатистов. Как, должно быть, известно читателю, в 1994 году на юге Мексики, в штате Чьяпас, начинается повстанческая война Сапатистской армии национального освобождения против федерального правительства. Чьяпас — один из самых бедных аграрных штатов Мексики — становится ареной вооруженной борьбы между восставшими сапатистами, пытающимися защитить права индейского населения, и войсками центрального правительства. В ходе этой войны сапатистам удается привлечь к себе внимание всемирных медиа и со временем стать чуть ли не новыми культовыми героями для многих мексиканцев и левых в разных частях света. Движение сапатистов возглавляет субкоманданте Маркос — бывший университетский преподаватель, скрывающий свое лицо под эмблематическим платком. Этот прием — сокрытие своего лица, своей идентичности — используется и другими членами движения, так что, если угодно, субкоманданте Маркос — это все сапатисты, все революционеры. На протяжении уже пяти лет сапатисты ведут свою борьбу, превратив Чьяпас в настоящую лабораторию демократии.

Мы, как и многие другие туристы, поехали в Мексику в поисках настоящего сопротивления, при этом не слишком заботясь о возможностях коммуникации: мы не выучили испанский язык, мы не знали местоположение сапатистов, наши денежные средства были крайне ограничены. Да и вообще; мы сами не знали, хотим ли мы примкнуть к движению сапатистов или только поглядеть на сопротивленцев? А если мы все-таки вступим в движение, чем мы будем там заниматься: герильей, добыванием еды, стиркой одежды, гуманитарными проблемами, вопросами здравоохранения? Да и захотят ли сами сапатисты вступить в контакт с нами? Принять нас за своих? Все эти вопросы были легкомысленно отброшены в сторону, и только одно звучало в наших головах: в Мексику! В Мексику!

В результате мы провели в Мексике восхитительный месяц. Две недели мы прожили в Мехико-сити, неделю купались в Акапулько, осмотрели все музеи (включая музей Троцкого и музей Фриды Кало), посетили кое-какие достопримечательности в Гуарнаваке и Таско — и вылетели обратно в Европу. Никакого субкоманданте Маркоса (только майки и деревянные «иконки» с его изображениями), никаких революционных индейцев в масках мы так и не повстречали.

Так кончилось наше путешествие к очагу мексиканского сопротивления. Это последнее не стало нашим собственным сопротивлением, как когда-то испанская гражданская война стала «личной» войной для сотен европейцев и американцев. Может быть, мы смалодушничили? Может быть, мы должны были разделить с Маркосом и его людьми их судьбу?

На эти вопросы, к сожалению, не существует однозначного ответа. Мы, авторы этой книги, потерпели в Мексике фиаско. Возможно, другие найдут там свою победу. А мы поехали сражаться в Вену и Берлин.

ПЕРВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Сапатистская армия национального освобождения (EZLN) ассоциируется в настоящее время не только с вооруженной герильей, но и с такими новейшими формами сопротивления, как масс-медиа-атака, существование в Интернете и революционная лирика (тексты субкоманданте Маркоса). Все эти формы борьбы есть не что иное, как попытка завоевать максимум международного внимания и общественной солидарности. Последняя необходима сапатистам для того, чтобы эффективно защищаться от политических и военных стратегий мексиканского правительства, которое пытается изолировать Чьяпас и замолчать действия EZLN.

Сапатисты впервые начали открытые действия против правительственной олигархии 1 января 1994 года, когда вступил в силу дискриминационный пакт NAFTA, направленный против беднейших фермеров Мексики. Вооруженная борьба EZLN была сфокусирована на неолибералистских стратегиях мексиканского политического истеблишмента: на лживых идеях «свободной торговли». Правительство незамедлительно ответило на выступление сапатистов бомбардировкой мятежного штата, Однако 12 января 1994 года в Мехико-сити прошла большая демонстрация в поддержку EZLN и против бомбардировки Чьяпаса. Тогдашний президент Мексики Салинас сразу пошел на уступки и обещал начать мирные переговоры с руководителями сапатистов. Хрупкое перемирие было наконец установлено, но множество раз срывалось впоследствии.

Кроме Чьяпаса, существует другой (гораздо менее известный) очаг военной и политической нестабильности в штате Гуэрреро. Здесь в 1996 году активизировалась Революционная народная армия (EPR). И Чьяпас, и Гуэрреро принадлежат к беднейшим районам страны в основном с аграрным индигенным населением. Именно социальное и расовое неравенство вызвало резкую ответную реакцию крестьянских групп и их вожаков. EZLN требует положить конец расистским ограничениям и социальному бесправию в Чьяпасе. Близкие идеи воодушевляют и мятежников Гуэрреро. Революционные коллективы пытаются реализовывать на освобожденных ими территориях принципы радикально-демократического сообщества: самоуправление, саморегуляцию, прямой обмен. Крестьяне создают локальные общественные структуры, носящие антирасистский, антипатриархальный и антикапиталистический характер.

В настоящее время в Мексике чувствуются некоторая усталость и разочарованность событиями в Чьяпасе. Однако борьба продолжается. Да здравствует мексиканское сопротивление!

2. Технологии сопротивления: жить на крыше

Сразу после «Полета в Мексику» — в один из центров актуального сопротивления — можно предпринять попытку нецентрированного сопротивленческого отказа, «приватного», «фантомного», «мистериального» диссидентства в духе одинокой аскезы. Случаем такого диссидентства может стать, например, жизнь на крыше. Мы можем представить себе такое одинокое существование, которое ставит своей целью не личное бегство, не философский эскапизм, не социальный аутизм, но эксперимент

странного и неявного для окружающих сопротивления, которое основывается на последовательной асоциальности. Люди в современном обществе привыкли жить в архитектурных постройках, являющихся неотъемлемой частью глобальных властных стратегий. Как указывает Жорж Батай, «прототипами всякой архитектуры являются тюрьма и могила». Архитектура репрезентирует власть и ее вездесущее присутствие в любой оседлой (неномадической) культуре. Одной из давних традиций сопротивления является разрушение архитектурных построек, символизирующих власть и ее интенции. Однако в условиях глобализированной современной власти («общество контроля») разрушение архитектуры группами людей или одиночками весьма проблематично: репрессии последуют незамедлительно вслед за любыми покушениями на архитектуру (даже если это будут «невинные» граффити, не говоря уже о более серьезных повреждениях). Но что если сопротивленцы попробуют жить на крышах, как бы «оседлав» архитектуру, подобно кочевникам, «живущим» на своих конях? Что если они возведут на крышах зданий палатки, номадические шатры, легкие навесы, вигвамы и юрты? Или просто начнут жить на крышах в спальнях мешках? (Обрадовался бы Жиль Делёз или нет?) Что если они станут бунтующим народцем крыш? А если и не народцем, то даже отщепенцы, храбрые одиночки, — не будут ли они тоже подрывать лживую репрезентативность современной архитектуры? Вообразим себе такого одинокого борца: вообразим его сначала на крыше какого-либо административного здания под ночным звездным небом, под утренними облаками, а затем — в тюрьме, под крепкими потолками, за кирпичными стенами, куда он неминуемо попадет, если будет упорствовать в своем одиноком сопротивлении. Вообразим себе все это, чтобы еще раз уяснить: наше рабство тотально, наше сопротивление ничтожно. Но не рвите свою рубаху — разорвите Пикассо!

3. Технологии сопротивления:

прикоснуться к носу Ханса Хааке

Сергею Кудрявцеву посвящается

Теперь нам хотелось бы наметить серию технологий сопротивления, связанную с непосредственными физическими воздействиями, с личными, интимизированными контактами, с персональными отношениями. Для примера мы возьмем эмблематическую фигуру интернационального художника Ханса Хааке. Этот художник получил мировую известность благодаря своим произведениям, имеющим критическую направленность. Следует отметить, что политическая критика Хааке весьма традиционна (если не консервативна): она направлена на крупные корпорации (Филипп-Моррис, например), на реакционных политиков (сенатор Хелмс, например), на музеи и коллекции (Саатчи, например), на исторические феномены национал-социализма и фашизма, одним словом, на запятнанность капитала и культуры в буржуазном обществе. Однако при этом, к сожалению, Ханс Хааке почти совсем не рефлексирует свое собственное положение истеблишированного уважаемого художника, принадлежащего институции современного искусства и вписанного в самые высокие уровни нынешней арт-системы. Критикуя социоэкономическую структуру современного искусства, Хааке говорит на языке этого искусства и является одной из наиболее репрезентативных фигур в мире художественной культуры.

Возникает как бы «черная дыра» внутри его критики, некая «слепая зона», на которую эта критика не распространяется. Это довольно типичный парадокс современной институционализированной критики: она направлена только на отдельные, искусственно локализованные области, в то время как другие зоны легко игнорируются и выпадают из критической сферы.

А что если попытаться раскритиковать самого Ханса Хааке и подобных ему конвенциональных критиков? Причем сделать это можно вовсе не с позиций «политически корректной» критики, а, например, с позиций «прямой демократии», которая не гнушается физическими контактами, не боится скандальных табуированных форм культурной атаки, таких, скажем, как пощечина, плюха, удар по физиономии, неприличный жест, пинок, затрещина, гримаса или подзатыльник. Что если мы подойдем к Хансу Хааке и потрогаем, а то и пощекочем его нос или его ухо? Не будет ли это в определенных, конечно же, очень конкретных, обстоятельствах вполне действенной и оперативной технологией сопротивления? Почему бы и нет?

Вероятнее всего, да.

Говоря серьезно, неотложной задачей актуального сопротивления является выработка новых, политически некорректных и предельно резких способов конфронтации и атаки на современный культурный элитизм.

Да здравствуют физические контакты третьей степени!

4. Технологии сопротивления: плевать

Мы продолжаем анализировать некорректные, запрещенные типы контактных сопротивлений. Наш следующий, уже не персонализированный (как в случае Хааке) пример: плевать.

Плевков — это жест, связанный в обыденном, а также в политически корректном сознании с невоспитанностью, хулиганством, дурными манерами, низкой классовой (или национальной) принадлежностью. Ну и отлично! Современное политическое и культурное сопротивление как раз и ведется от имени и во имя третьего мира, «варваров», «цветных», «aliens», «других» и «чужих». Поэтому вполне закономерно будет использовать так называемые типичные практики лишних, плевки в том числе.

Плюнуть на какого-нибудь репрезентанта власти, на какого-нибудь бюрократа или военного — это не так уж плохо иногда! Причем плевать надо смачно, метко и со вкусом. Однако, разумеется, это вовсе не означает, что плевков — действенный способ сопротивления во всех возможных случаях, что плевать нужно всегда и везде. Никакого механицизма, никакой инерции! Плевков, так же как и другие способы сопротивления - чрезвычайно контекстуальный, чрезвычайно локальный метод борьбы. Плевков связан прежде всего с эмоциональными реакциями на власть, со спонтанными проявлениями ненависти и негодования. Если же вы будете плевать на кого-то рационально, заранее спланировав свою акцию, помните: никакого цинизма, никакого лишнего унижения. Достаточно плюнуть всего только раз — и цель достигнута. А в ином случае сдержанность плевков, проглотить слюну так же важно и достойно, как плюнуть — в другом случае. Пораскиньте-ка мозгами, малофейчики.

5. Технологии сопротивления: показать жопу

Посвящается Мирану Мохару

Показать жопу — это тоже, конечно, техника сопротивления, связанная с нарушением правил «политической корректности», с поруганием принятых социальных норм. Общество предписывает нам не только правила позитивного поведения, но и правила протеста, нормы негации. Каким должен быть протест по мнению «общества контроля»? Протест должен выражаться в традиционных формах — стачки, демонстрации, политической статьи, того или иного узаконенного критического дискурса. А если мы не хотим использовать эти неэффективные, надоевшие или уже исчерпанные формы критики? Если мы хотим делать что-либо иное, возмутительное, недозволенное, вызывающее? Общество говорит нам: нельзя. Вы нарушаете правила, вы действуете нецивилизованно, вы преступники, вы вандалы, вы террористы. Да подите вы, дорогое общество и его холуйские представители, на хер! Как раз «нецивилизованные» формы протеста во многих случаях оказываются самыми своевременными, самыми необходимыми и актуальными!

Речь, конечно, идет вовсе не о том, чтобы показывать властям жопу при любом удобном случае. Речь идет о том, чтобы поставить под сомнение заранее установленные общности техник сопротивления, общности, которые образуют монотонную, косную, неподвижную глыбу социального опыта. И нам важно, разумеется, не оспорить значимость этих общностей или «запретить» их применение, но только показать, что для точного их определения внутри больших классов техник сопротивления требуется тщательный и скрупулезный анализ.

Мы еще раз предупреждаем: протест вгоняется властью в определенные нормативные рамки, насильственно локализуется и регламентируется. Протесту вменяется: ты должен быть таким-то и таким-то. Например: идите на демонстрации под присмотром полиции! Высказывайте свое критическое мнение в академической статье! Найдите стипендию и открывайте журнал!

Власть и ее агенты непрерывно стремятся апроприировать и деформировать разнообразные техники сопротивления, лишить их действенности и оперативности, превратить их в социальную рутину или симуляцию. Будем же внимательны, и в ответ на ухищрения власти покажем ей нашу бунтующую жопу!

6. Технологии сопротивления: демонстрация

Демонстрация принадлежит к наиболее почтенным и традиционным формам сопротивления. Это одна из самых очевидных и универсальных техник протеста, которая вызывает законные ассоциации с историей марксизма, с историей классовой борьбы и рабочего движения. Однако стоит сразу заметить, что разные очевидности и универсальности — это всегда и самые сомнительные точки внутри технологий сопротивления, которые по определению несовместимы с инертностями и принудительностями. Современное сопротивление как раз и стремится к разрушению очевидностей и универсальностей, к выявлению в инертностях и принудительностях зон уязвимости, проходов, слабых мест, руинированных границ, которые можно было

бы нарушать и преодолевать. Сопротивленец сегодня — это индивидуум, готовый без конца перемещаться, не зная в точности ни где он будет, ни что он будет думать завтра, поскольку он чрезвычайно внимателен к настоящему. Сопротивленец — это всегда «локальный», «специфический» сопротивленец в противоположность «универсальному», догматическому «революционеру».

Демонстрация принадлежит к тем способам протеста, которые чрезвычайно легко апроприируются и используются властью. Власть давно уже манипулирует этой консервативной техникой сопротивления. Достаточно вспомнить, как использовал «демонстрации трудящихся» Сталин, как демонстрация стала в СССР послушным инструментом власти и одним из способов ее репрезентации.

С другой стороны, очень часто демонстрации являются всего лишь симуляциями сопротивления, способом выдать фиктивное за действительное. В мае 1998 года группой художников в Москве была проведена демонстрация в честь парижского мая 1968 года. Эту московскую демонстрацию поддержал нынешний член Европейского парламента Даниэль Кон-Бендит — оппортунист и ренегат 1968 года. Однако русские художники были в восторге от поддержки Кон-Бендита и даже расценили его поздравления как основной успех своей акции. Fuck you! Мы рекомендуем нашему читателю не участвовать в подобных демонстрациях, а, скорее, мешать их проведению. Бросайте тухлые яйца в таких демонстрантов! Посылайте их немедленно к такой-то матери!

В то же время демонстрация остается самой массовой формой протеста. Трудно переоценить ее потенциал в политической борьбе. Демонстрации в Иране переросли в революцию против шахского режима. Движение иностранцев-нелегалов «Sans-papiers» провело во Франции (начиная с 1995 года) ряд успешных демонстраций против дискриминации иммигрантов. Рабочее движение в Мексике до сих пор использует демонстрации в своей конфронтации с правительством и в своей борьбе с политикой неолиберализма.

Отрубим же яйца двурушничеству!

7. Технологии сопротивления: баррикады

Баррикады, как и демонстрация — одна из старейших форм коллективного сопротивления. Однако, в отличие от демонстраций, интегрировать баррикады во властные структуры или симулировать баррикадные бои гораздо труднее. Разумеется, власть может использовать — и повсеместно использует — возмущение масс и массовые формы протеста, но сооружение баррикад на улицах свидетельствует о том, что политическая ситуация в данном месте действительно критическая.

Как показывает история, власть всегда боялась стихийного бунта, а баррикады часто были одной из главных составляющих спонтанного, яростного и малопредсказуемого восстания. Вот только один пример. Истинная цель широкомасштабной реконструкции Парижа, которую проводил знаменитый префект французской столицы барон Осман в 1850-1860-е годы, состояла в том, чтобы обезопасить город от гражданской войны. Осман хотел, чтобы баррикады навсегда стали невозможны в

Париже. С той же целью уже Луи-Филипп ввел деревянные покрытия для мостовых. Тем не менее баррикады продолжали оставаться реальной угрозой для власти. Молодой Энгельс специально занимался техникой баррикадных боев. Осман хотел двояким образом предотвратить появление баррикад. Расширение парижских улиц должно было сделать их невозможными, а новые улицы должны были проложить кратчайший путь от военных казарм к рабочим кварталам. Это была хорошо продуманная стратегия, однако она не избавила власть от новых неприятностей. Баррикады возрождаются в Коммуне. Здесь они прочнее и совершеннее, чем когда-либо прежде. Баррикады пересекают большие бульвары, часто достигают второго этажа и прикрывают скрывающиеся за ними траншеи. Они очень эффективны. Конечно, это большая беда ранних рабочих восстаний, что у них не было революционной теории, указывавшей им путь, однако, с другой стороны, в этом также заключалось условие непосредственной силы и энтузиазма, с которым они принимались за переделку общества. Этот стихийный энтузиазм поистине достиг апогея в Парижской Коммуне и ее начинаниях. Рембо и Курбе встали тогда на сторону Коммуны. Под руководством Курбе была разрушена Вандомская колонна. Пожар Парижа стал достойным завершением разрушительной деятельности Османа. Языки пламени всегда выражают больше, чем какой-нибудь английский или русский язык.

8. Технологии сопротивления: кусать

Во времена танков и пограничных десантов баррикады как техника сопротивления выглядят несколько старомодно. А что можно сказать по поводу такой архаичной и «варварской» техники, как укус? Старики, женщины и дети иногда прибегают к этому способу, чтобы противостоять насилию и произволу. Боксер Майк Тайсон откусил кусочек уха у своего противника. Здесь мы опять входим в область технологий, связанных с непосредственными физическими контактами, с межличностными отношениями.

Сначала нам хотелось бы вспомнить старую художественную акцию американца Вито Аккончи, когда он пытался укусить себя так; чтобы на теле остались глубокие следы, которые художник затем заливал краской, чтобы добиться эффекта татуировки. Укусить самого себя глубоко и больно — это не так уж просто, это требует немалых усилий. Больше того, этот акт выглядит странным, он напоминает нам о существовании трансгрессии. Укусить другого — гораздо легче. Еще легче — откусить кусок свежего творожного торта с вишней, конечно, если у вас есть возможность купить этот торт или получить его каким-либо иным способом.

Можно ли всерьез говорить об укусе как о реальной технике сопротивления в современном обществе, где отношения власти часто «бессубъектны», где власть отправляется не Монархом, не Председателем и даже не Парламентом, а многочисленными и нередко скрытыми, неявными структурами и аппаратами? Кого здесь кусать, на кого здесь направить свою ярость, свое бессилие, свое неистовство?

Речь здесь идет, по-видимому, уже не об осознанных стратегиях и техниках сопротивления, а о бунте тел, о восстании сомы. Властные отношения в сегодняшнем

обществе уже очень давно центрированы вокруг тела, понимаемого как машина: его дрессура, увеличение его способностей, выкачивание его сил, параллельный рост его полезности и его покорности, его включение в эффективные и экономичные системы контроля — все это обеспечивается процедурами власти, которые пристально изучают тело и ведают всеми его функциями. Эта дрессура приобрела со временем тотальный характер — контроль над телом стал одним из самых головокружительных успехов современной власти и ее агентов. Медицина, спорт, системы здорового питания, полезные режимы работы и отдыха, туризм, индустрия развлечений специально заведуют телом и регулируют его жизнедеятельность. Однако всякий тотальный контроль всегда имеет свою изнанку. На границах и в зазорах осуществляющейся над телами власти вспыхивают часто дикие и непредсказуемые мятежи, странные и в то же время достаточно регулярные мелкие бунты и потрясения. Тела начинают вдруг впадать в одичание, погружаться в безумие, становятся чудовищно агрессивными или ломаются, как надорвавшиеся машины. Именно так возникают побоища футбольных хулиганов, так вспыхивают сенсации серийных убийц, так вызревают случаи насилия над полицейскими. Все это и есть укусы бунтующего, выпадающего из-под контроля тела, укусы, наносимые в ослеплении куда попало, неизвестно зачем, лишь бы укусить. Это не техника сопротивления, это вываливание автоматизированного, переконтролированного тела из режима нестерпимой, почти тюремной дисциплины, куда его поместила заведующая телами и их существованием власть. Укусите свою мамочку в утробе — вот вам наш совет.

9. Технологии сопротивления: нестерпимость к государству

Памяти Мишеля Фуко

Есть индивидуумы, для которых существование таких консервативных понятий (и связанных с ними институций), как традиция и иерархия, семья и собственность, порядок и организация, — само существование этих слов, — нестерпимо, невозможно, отвратительно до последней степени. Неспособность и нежелание признать государство — это как бы органическое свойство таких людей, их движущая сила, вектор их существования. Мы именуем их анархистами, хотя это могут быть люди и не принадлежащие к анархистским группам и партиям. Их неприятие государства — это не технология сопротивления, но внутренний стержень их жизни, ощутимый во всех их действиях и словах. Их поступки, подчас весьма противоречивые и не похожие друг на друга, имеют явную типологическую общность. Прежде всего, эти люди не ищут в своей борьбе некоего главного врага или какого-то центрального штаба неприятеля, который нужно было бы уничтожить, но стараются противостоять тому конкретному противнику, которого видят перед собой в данный момент времени. Они ведут непосредственную, прямую борьбу, поскольку критикуют и разрушают те механизмы или институции власти, которые здесь и сейчас воздействуют на людей. Они не ищут решения проблемы в будущем (в грядущей революции, национальном освобождении или конце классового борьбы), а полагают, что их сегодняшней удар по власти — это и есть решающее действие, настоящее сражение.

Современная теория сопротивления выделяет три принципиальные формы борьбы: 1) против господства (этнического, религиозного или социального); 2) против эксплуатации (которая отчуждает индивидуума от того, что он производит) и 3) против насильственной субъективации (иными словами, против того, что фиксирует идентичность индивидуума и тем самым подчиняет его отношениям власти). В истории три эти формы борьбы существовали вместе или отдельно, но всегда можно было выделить доминантную для конкретного исторического периода форму. Так, например, в XIX веке, в эпоху расцвета капиталистических отношений, на первый план вышла борьба против эксплуатации. Однако сегодня борьба против насильственной, принудительной субъективации, против подчинения через политики репрезентации и стратегии идентификации индивидуумов становится все важнее, все актуальнее, хотя две другие формы борьбы не исчезли и не потеряли своего значения. Причина того, что борьба против субъективаций вышла на первый план, кроется в том, что уже с XVI века континуально развивался и достиг самых изощренных степеней развития важнейший тип политической власти — государство. Считается, что государство есть такой тип политической власти, который игнорирует интересы индивидуумов в пользу интересов значительных групп населения, сословий, социальных классов. Однако это не совсем так. Власть государства столь сильна и всеохватна, поскольку она носит одновременно и индивидуализирующий, и тотализирующий характер. Контролируется все: отдельный человек, так же как и массы. Современное государство, как показал Мишель Фуко, апроприировало многие технологии власти из христианской пастырской традиции. Так же, как церковная пастырская власть, власть государства ведет гражданина «за руку» всю его жизнь, от рождения до смерти, обеспечивая его существование всем «необходимым»: личной безопасностью, неприкосновенностью собственности, страхованием, образованием детей, медициной, профессией, пенсией и т.д., и т.п. Как и пастырская власть, власть государства осуществляется через «знание»: знание мыслей и чувств людей, знание их желаний и страхов. Это знание в пастырской традиции достигалось с помощью механизма исповеди и других форм производства истины. Власть государства усвоила эти исторические формы и успешно практикует их через научные, литературные, художественные, медицинские и иные дискурсивные практики. Пастырская власть обещала хорошему христианину спасение в ином мире как вознаграждение за послушание в этом. Современная государственная власть обещает лояльному гражданину успех и благополучие в его земном существовании. Пастырская власть настаивала на своем бескорыстии, даже на своей жертвенности. Государственная власть ныне тоже внушает гражданину, что она делает все ради него и его потомства, ради продолжения жизни на земле.

Политическая, этическая, социальная и философская задача заключается сейчас в том, чтобы освободить индивидуума от государства и типов индивидуации, которые государство продуцирует и навязывает человеку. Освободить индивидуума от ложных политик фиксированной идентичности (по полу, по профессии, по национальности, по менталитету), от прозябания в тени государственных институций и их идеологий. Анархисты — это те люди в современном обществе, кто всем своим сознанием и своей деятельностью принадлежат этому освобождению и участвуют в борьбе за него на своих местах. Bravo!

Ю. Технологии сопротивления: НОСИТЬ

Мы возьмем сейчас одно слово, одно понятие: «носить». И попытаемся представить, как это понятие может быть связано с нашей темой: технологии сопротивления. Можно носить дамскую сумочку или рюкзак, корзину с головой убитого врага или автомат, книгу Макса Штирнера или вязаную кофту. Все это может быть ничем — рутиной и механикой ежедневного существования, и все это может стать практикой сопротивления. Например, дамская сумочка. Отстранимся от этого предмета, взглянем на него отчужденно — и мы поймем все значение феминистической теории, всю ее необходимость и оправданность. Пустим эту сумочку в ход в качестве оружия против патриархального преподавателя в университете, против наглого сексиста — вот нам и сопротивленческий праксис! И вы верите этому? Боже, какую чушь мы несем! Носить — это та рутина и та патология ежедневного существования, которые могут неплохо проиллюстрировать всю сложность и запутанность отношений власти в нашей жизни. Монах носит свою рясу, невеста — свою фату, а солдат — свою униформу. Какое удивительное согласие, какая чудовищная покладистость! Но панк, носящий в 90-е годы свою косуху, свои цепи, свои оранжевые волосы, — это тоже вопиющая покладистость и лояльность к власти, только с другого, ложно-диссидентского конца. Или просто кретинизм, позорное недомыслие, тупость? Или неосознанное участие в играх власти? Херня, херня!

Уже на ранних этапах капитализма власть и деньги стали сопоставимыми величинами. Любое количество денег свободно могло конвертироваться в определенное количество власти. Это что касается классического капитализма. Сейчас во власть может уже превратиться что угодно: раса, национальность, возраст (молодость прежде всего), внешность (красота, разумеется), пол, элементарные знания, технические навыки, ловкость, глупость, страх. Носить человеческую кожу — желтую, белую или черную — это тоже значит участвовать в играх власти! Элементарная логика власти: позовем черных в шоу-бизнес — и тем самым приручим их, интегрируем в «общество спектакля». Дадим палестинцам игрушечную, смехотворную автономию — и тем самым нейтрализуем их революционное движение. Впустим во всех и во все бациллы власти, дадим каждому маленькую, но хищную власть — и дело сделано, властные отношения работают, институции чадят, государство коптит. Таковы нелицемерные намерения власть имущих и всех, кто этому не противостоит. Так дадим же по ушам власти незамедлительно!

II. Технологии сопротивления: БЫТЬ АНТОНЕНОМ АРТО

Посвящается моей левой ягодице

Как показывает нам теория, власть практикует многочисленные системы подавления, среди которых одной из главнейших является, несомненно, нормализация.

Нормализация означает, в частности, конвенциализацию тех или иных политических, социальных и артистических практик. По закону конвенциализации, дискурсы и их носители неизменно вставляются в освященные традициями рамки и ниши, интерпретируются в институциональных нормативных терминах. Институции —

академическая, авангардистская или, например, «contemporary art» - принимают на себя узаконивающие функции, процедуры бюрократической власти, иногда одобряющей, иногда порицающей, иногда вносящей в «черные списки», а иногда — в «похвальные листы». Разумеется, сами институты и выдвигаемые ими требования и нормы меняются со временем, подчас даже радикально трансформируются, но регламентирующие функции неизменно воспроизводятся.

Основные требования, предъявляемые институтами к индивидууму, касаются его профессиональной компетенции, его политической благонадежности и его морального соответствия принятым нормам. Социальная группа, к которой принадлежит индивидуум, призвана удостоверять его идентичность и корректировать ее. Если индивидуум сопротивляется этим коллективным усилиям, он может стать нежелательным элементом. Тогда социальная группа перестает коллаборировать с ним.

Нечто подобное случилось с Антоненом Арто. Подлинной заслугой Арто было то, что он освободился от страха, который заставляет каждого художника отвечать на поставленные временем вопросы в понятиях жанра, традиции, принятого жаргона. Он излечился от болезни, которая вынуждает артиста за всеми катаклизмами, разрывами и лакунами видеть великое историко-трансцендентальное предзнаменование культуры. Что же сделало Арто таким свободным и здоровым? Скорее всего, та позиция, которая была для его времени и его среды весьма необычной: позиция открытого этического действия, то есть позиция, берущая на себя практическую ответственность за те теоретические выводы, которые уже были сделаны эпохой в лице ее важнейших философов (Маркс, Ницше), художников (Ван Гог, Гоген, Рембо, Лотреамон) и политических движений (анархисты, рабочие движения и т.д.). Арто радикально реализовал свою ответственность через позицию несостоятельности — фигуру абсолютной беспомощности и культурной недееспособности. Отказ от поэзии (и вообще от конвенциональных жанров), разрыв с группой сюрреалистов, крушение театральной карьеры, лихорадочные переезды с места на место, интоксикация и дезинтоксикация и, наконец, заточение в психиатрических клиниках, многолетнее заточение — вот «этапы жизненного пути» Арто. И чем дальше, тем больше развивается специфическое косноязычие Арто, которое со временем становится его методом, образом его жизни, его политикой и этикой, его существованием. Зоны этого косноязычия постоянно расширяются: от разрозненных записок, заносимых в тетради сначала им самим, а потом, в силу его неспособности, другими, до несостоявшейся из-за нервного, болезненного припадка речи в театре «Старая голубятня», от писем Папе римскому, далай-ламе и Гитлеру до рисованных обращений к врачу одной из клиник, где находился Арто. Косноязычие — под его сенью модернизм делает свою историю, вырабатывает свой язык, повышает свои дивиденды. Косноязычие — язык одинокого существования, нашедшего опору в близости сумасшествия, голос еретика, пляшущего в пламени. Косноязычие — недоверие и презрение к доминирующей культуре. Косноязычие сняло для Арто все запреты, наложенные конвенциональными жанрами и дискурсами, и стало оружием в борьбе против культурных фюреров и коррумпированных пространств. В конечном счете это была одинокая война камикадзе задроченного с американским гнивающим империализмом. Вообще, хочется задать вопрос: не есть ли безумие самый лучший способ сопротивления? И сразу же возникает ответ: если бы безумие было абсолютно сознательным, это был бы

оптимальный метод сопротивления. Но, к сожалению, есть данные, которые свидетельствуют, что безумие не ведает, что творит. Поэтому надо воспитывать в себе сознающее безумие. Таким самовоспитанием необходимо заниматься с детства: с бабушкой, с детским конструктором, с рыбками.

Бабушка и внучек — два сопротивленца.

Муравей и внучка — два сопротивленца.

Тучка и болонка — два сопротивленца.

Кучка и безумие — пять сопротивленцев.

Корка и пижама — шесть сопротивленцев.

Вошки и ракушки — три сопротивленца.

Семь бумажных пальцев — два сопротивленца.

Вот уже и армия, вот уже и взвод.

Но если отбросить шутки, то надо прямо сказать: Антонен Арто был удивительным и непревзойденным сопротивленцем, как мы это понимаем, да. Ведь сопротивление — это не функционирование в качестве партийного босса или молодежного вожака, нет, сопротивление — это противостояние власти в себе.

12. Технологии сопротивления: торт в физиономию

В некоторых статьях и заметках Антонена Арто мы находим высказывания об американских комических фильмах с участием братьев Маркс. Арто высоко оценивает их работу и видит в ней моменты смехового разоблачения репрессивных функций современной культуры. «Идиотические» приемы братьев Маркс были впоследствии подхвачены новыми «марксистами», увидевшими революционный выход не в классовой борьбе, не в диктатуре пролетариата, а в швырянии тортов в физиономию власть имущих.

Действительно, как продемонстрировало немое кино, швырнуть торт в лицо функционера или миллионера — эффективный жест, превращающий властного политика, важного культурного деятеля или влиятельного бизнесмена в жалкого кретина. Пусть даже на пять минут, пусть даже на секунду! В 70-е годы в Соединенных Штатах и Канаде возникает сопротивленческое движение «швырков-тортов», вызвавшее волну потного ужаса в политическом и культурном истеблишменте Америки. «Швырков» возглавлял блестящий сопротивленец и меткий тортометатель Арон Кай. Этот снайпер шоколадных и кремовых залпов бомбардировал тортами разномастную элиту: теоретика правого толка Уильяма Бакли, арт-звезду Энди Уорхола, мэра Нью-Йорка Эби Бима, писателя Нормана Мейлера и многих других. Он размазал торт по физиономии пропагандиста ЛСД Тимоти Лири. К сожалению, он промахнулся, швырнув торт в Малькольма Макларена и в Рональда Рейгана. Газеты смаковали подробности тортовых скандалов. Публика хихикала и возмущалась, еби ее в рот.

В 90-е годы было зафиксировано несколько новых случаев попадания тортов в

репрезентантов власти. Последние по времени инциденты — торт в хозяина Майкрософта Билла Гейтса и торт в предателя мая 1968 года Даниэля Кон-Бендита. Мишени, как мы видим, были выбраны точно.

Конечно, легко критиковать подобные действия как несерьезные, индивидуалистические, неэффективные. Однако следует понимать, что жесты тортометателей свидетельствуют скорее об отчаянии участников сопротивления, нежели об их хорошем чувстве юмора. Когда все вокруг власть, последней надеждой для многих становится либо пистолет, либо кремовый торт, а иногда — и то и другое вместе. Сперматорея несчастная!

ВТОРОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Мастер политического торта Арон Кай был членом Youth International Party — партии «йиппи», возникшей в новогоднюю ночь с 1967 на 1968 год. «Party» по-английски означает и «партия», и «вечеринка»: йиппи имели в виду и то, и другое. «Революция — это не организация и не политическое событие. Революция — это ежедневный стиль жизни, и этот стиль должен граничить с абсолютным похуизмом», — говорилось в одной из деклараций йиппи. У партии было два лидера. Первый — Джерри Рубин, проделавший эволюцию от весельчака-революционера до вполне серьезного биржевого маклера и погибший в автомобильной катастрофе в 1995 году. Второй — блестящий и исполненный пессимистического милитантизма Эбби Хоффман, покончивший с собой в 1989 году. Йиппи базировались в Калифорнии, где небо всегда голубое, а глаза у обывателей счастливые и пустые и где с конца 60-х годов подолгу гостевали битники, хиппи и левая студенческая оппозиция. Здесь создавались субкультурные либертианские группы и леворадикальные фракции, проповедовавшие разные варианты сопротивления буржуазному конформизму и правительственному произволу. Йиппи стали едва ли не самым ярким фрагментом во всей этой калифорнийской мозаике. Веселость, агрессивность, поверхностность и модный эстетизм сделали их привлекательными в глазах многих молодых людей из среднего класса, начитавшихся Германа Гессе и Джека Керуака. Йиппи охотно пользовались поп-лозунгами вроде следующего: «Без революции в голове нет социальной революции, и без социальной революции нет революции в голове. Но главное — это революция в пупке». Йиппи верили в поп-арт и дадаистические техники и заявляли: «Но все-таки йиппи — это марксисты. Мы находимся в революционной традиции от Гручо, Харпо, Чико и папы Карло. Да здравствует харакири!»

Спектакулярные акции йиппи были обращены против вьетнамской войны, против беспредела полиции и против американского обывателя. Благодарной аудиторией йиппи были подростки и студенты колледжей. Йиппи находились в контакте с "черными пантерами" и другими радикальными группами, представлявшими меньшинство. Университетские левые обвиняли йиппи в антиинтеллектуализме, субъективизме, попсовости и мелкобуржуазном индивидуализме. Сами йиппи утверждали, что любая идеология — мозговой дефект, и декларировали абсолютное превосходство действия над теоретизированием. «Срать на слова, делать дела! Только действие освобождает и вставляет, как коитус!» Йиппи не уставали продуцировать подобные лозунги, хотя подчас и сами прибегали к теоретическим разъяснениям и интеллектуальным комментариям.

Главным результатом деятельности йиппи стала эстетизация молодежного политического сопротивления 70-х годов. С помощью таких жанров современного искусства, как перформанс и хэппенинг, йиппи стимулировали и оживили традиционные техники социального протеста. Во время одной из своих демонстраций в Нью-Йорке они раздали участникам акции пакетики с красной краской, и, когда полиция атаковала демонстрантов, последние раздавили пакетики и оказались «окровавленными». Одновременно они запалили дымовые шашки и врубили шумовые эффекты. Эбби Хоффман был убежден, что подобные театрализованные акции гораздо эффективнее обычных демонстраций с транспарантами. Йиппи не верили в рациональный и аргументированный подход и заслужили обвинение в репродуцировании индустрии сенсаций, в саморекламе и шумихе. Йиппи соглашались с этим: «Миф создает революцию, миф, а не теоретический треп». Джерри Рубин писал: "Каждый революционер должен знать, как производятся культурные стереотипы, которые революция хочет уничтожить". Спи спокойно в могиле, Джерри.

13. Технологии сопротивления: стрелять

Одним из принципиальных вопросов теории сопротивления является вопрос о насилии. Допустимо ли оно вообще в свете различных идеологий непротivления злу насилием? И если допустимо, то в каких масштабах? В каких случаях насильственные методы оправданны? Не является ли применение насилия в сопротивленческой практике всего лишь изнанкой методов власти? И вообще, что означает насилие?

И еще раз: никаких рецептов в отношении методов сопротивления не существует, и эта книга отнюдь не сборник позитивных рекомендаций. Очевидно, что насилие столь же часто является инструментом сопротивления, как и рычагом власти. И более того, в последнее время власть все с большей неохотой, все с большей оглядкой прибегает к применению прямого насилия, видя в нем уже устаревший способ воздействия. В настоящее время власть с гораздо большей эффективностью использует методики устрашения, запугивания, а также поощрения и заигрывания. Мы живем в обществе, где механизмы власти обращены на производство, на жизнь, на то, что заставляет ее размножаться, на то, что усиливает род, его способность господствовать и использоваться. Здоровье, потомство, будущее нации, процветание государства, жизнеспособность социального тела — вот о чем печется власть, вот что ее заботит. Что же касается смерти, с которой насилие непосредственно связано, то современная власть старается ее не афишировать. Усердие, с которым пытаются замолчать смерть, связано не столько с той неизвестной ранее тревогой, которая якобы делает ее невыносимой для наших обществ, сколько с тем фактом, что процедуры власти неизменно от нее отворачиваются. Смерть творит свое пиршество сейчас где-то далеко: в Африке, на окраинах России или, на худой конец, в Югославии. Но в центрах власти — в мегаполисах и благополучных обществах — для смерти нет места. Разумеется, это ложь, как ложью является и то, что насилие приходит извне: со стороны иммигрантов, инородцев или патологических элементов. В действительности мы живем в плотном окружении насилия, которое вырывается, как злой дух, отовсюду: из офисов и ресторанов, из заводских сооружений, из спален и школ, из медицинских учреждений и аэровокзалов. Наши криминалы - это не наши кошмары, это мы сами, только родившиеся на окраинах наших городов. Иногда мы вздрагиваем

на улице: нам кажется, что мы услышали выстрел. Однако мы можем быть уверены: это не прицельная стрельба восставших в трущобах рабов; скорее всего, это беспорядочная пальба одуревших обывателей или превентивные выстрелы полицейских.

ТРЕТИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

В 1974 году американский художник-концептуалист Гордон Матта-Кларк произвел выстрел из карабина по одному из административных зданий в Нью-Йорке и выбил стекла из окна. Это был один из тех символических выстрелов по капитализму, которые в 70-е годы совершали некоторые из деятелей современной культуры. Творчество Матта-Кларка в этом соотношении представляется необычайно интересным и ценным. Этот художник более всего известен своими деконструкциями архитектурных сооружений, когда он буквально разрезал небольшие американские коттеджи надвое, а также проделывал огромные дыры в руинированных зданиях в Бронксе и других местах. Матта-Кларк, основательно изучавший литературу марксистской традиции (от Маркса до Грамши и Бенямина), отчетливо представлял себе те процессы апроприирования и конsumerизации окружающей среды, которые проводились в западном обществе в интересах капитала. Задачей этого художника как раз и было обнаружение скрытых идеологических «швов» в социополитической ткани общества, выведение этих «швов» наружу. Архитектура, как мы уже отмечали, является одной из наиболее репрезентативных "визитных карточек" власти, и Матта-Кларк это прекрасно осознавал. В своей «анархитектурной» деятельности он не добавлял какие-либо элементы к уже существующей архитектуре, не реконструировал и не реставрировал, не создавал инновативные дополнения к архитектурным формам, но пытался напрямую атаковать циклы продукции и потребления, запечатленные в современных зданиях. Праксис Матта-Кларка — это не только отказ от какой-либо позитивной конструкции, но это буквальное вычитание архитектурных структур, разоблачение и разрушение их. Деконструкция здания по Матта-Кларку — это манифестация, направленная против профессионального архитектурного бизнеса. Разрушать, а не строить — это прямая инверсия функционалистской доктрины. Пока такие архитекторы, как Мис ван дер роэ, создавали из новых материалов (стекло, сталь) новые конструкции, призванные обнаруживать и открывать материальные структуры архитектурного дела и скрытый дотолерантерьер, Матта-Кларк обнажал уже существующие дыры и трещины социального пространства города. Его работы позволяют вступить в скрываемое и камуфлируемое властью историческое время, он фрагментирует архитектуру, превращает ее в тип антимоумента, задача которого заключается в реконструкции неконвенциональной памяти, в обнаружении иной истории, которая обычно тщательно скрывается архитектурными и социальными фасадами и их фальшивыми значениями целостности мира. В сущности, почти вся современная архитектура и подавляющая часть дизайна созданы для того, чтобы гладко и бесконфликтно связывать прошлое и настоящее, настоящее и будущее. «Памятники» Матта-Кларка жестоко противоречат этим интенциям власти. Они метко бьют по лживым репрезентациям капитализма и дают нам хороший урок безошибочной, снайперской культурной стрельбы. Бац!

14. Технологии сопротивления: артикулировать

Посвящается моей правой ягодице

Неотложная задача современного сопротивления состоит в том, чтобы выявить актуальную политическую ситуацию в мире (и в отдельных его регионах) во всей ее сложности и разнообразии: проартикулировать проявленное. Необходимо четко и ясно проговорить, как функционирует капитализм в эпоху неолиберализма, какие политические, экономические и культурные рычаги пускают в ход его механизм, каковы последствия действия этого механизма. Нужно показать, что именно привносят в реальность позднего капитализма такие элементы неолиберализма, как идеология «политической корректности», мощная индустрия дискурса, мультикультуральность, включение субкультурных явлений в сферу репрезентаций власти. Сегодня, в 1998 году, мы находимся в условиях всеобщего спада нонконформистской активности, разочарования и дезорганизации внутри сопротивленческих движений. Самый схематичный и общий анализ показывает, что оппозиционные и альтернативные концепции и жесты продуцируются ныне на Западе лишь внутри фиксированных общественных институций и существуют лишь как институционализированные дискурсивные инициативы. Эти инициативы, оставаясь внутри институциональной деятельности и внося локальные изменения в порядок дискурса, не допускают никаких внеинституциональных нововведений и жестов, никакой иной ментальности, никакой посторонней «ереси», но продуцируют лишь трансформации в устоявшемся прaxисе и в общей сложившейся артикуляции. Это создает удушливую и фальшивую атмосферу в среде критически настроенных групп, атмосферу взаимного недоверия и отчуждения.

С другой стороны, в третьем мире индивидуальная и внеинституциональная сопротивленческая активность сегодня часто является малопродуктивной как раз вследствие незнания современной теории, актуального критического дискурса. В третьем мире мы все чаще сталкиваемся с проявлениями консервативного нонконформизма и диссидентства, с явственными симптомами фундаменталистской антизападной оппозиции. В других случаях речь идет о более или менее симулятивной или механистической апроприации уже оформленного западного дискурса и использовании его с желанием создать видимость политического активизма. Национализм также играет важную конститутивную роль в оформлении концептов сопротивления в третьем мире.

Эти и многие другие теоретические проблемы, связанные с сопротивленческим прaxисом, требуют незамедлительной артикуляции. Артикуляция — это оперативное осознание и проговаривание актуальных проблем сопротивления. Без артикуляции невозможен продуктивный и действительно разрушительный сопротивленческий жест. Артикулируйте свою не-тер-пи-мость.

ЧЕТВЕРТЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Интересный пример осознанного, артикулированного подхода в культурном сопротивлении дает одинокая инициатива сербского художника Горана Джорджевича. В Нью-Йорке на Спринг-стрит в небольшой двухкомнатной квартире на первом этаже вот уже несколько лет существует маргинальный Salon de Fleurus. Прототипом ему

послужил парижский салон Гертруды Стайн — знаменитая цитадель раннего модернизма. Но не только прототипом: Salon de Fleurus копирует салон Гертруды Стайн буквально во всем: в мебелировке, в картинах на стенах (это копии тех произведений Брака, Пикассо, Сезанна, которые действительно украшали комнаты американской писательницы в Париже), в отдельных предметах обихода. Пять дней в неделю с 7 до 10 вечера салон открыт для гостей: каждый, кто знает о его существовании, может беспрепятственно прийти и участвовать в его светской жизни. Гости встречает doorman — художник Горан Джорджевич, хозяин салона. Он проводит гостей в гостиную, угостит фруктами и напоит чаем — и поддержит беседу. Естественно, разговор заходит о салоне. Горан расскажет о его создании (салон был реализован усилиями самого Джорджевича и еще одного художника, впоследствии отказавшегося от участия в этом проекте). Но почему, собственно, копируется салон Гертруды Стайн? Этот вопрос возникает почти у каждого посетителя. И Горан охотно даст ответ на него.

Действительной задачей Salon de Fleurus являются анализ и критика модернистского искусства как идеологического и стратегического базиса современной художественной системы. Эта критика в данном случае носит экономический характер. Горан Джорджевич превосходно знает экономическую историю модернизма: механизмы коллекционерского и дилерского бизнеса в 1900-1930-е годы, историю аукционов, характер экономических отношений между художниками и их агентами, между коллекционерами и музеями и т.д., и т.п. В интерпретации Джорджевича модернизм — это прежде всего успешный капиталистический проект, включивший в себя множество отдельных художественных, коллекционерских, музейных и галерейных проектов. Этот проект не только циничен, но и типичен для капитализма определенного исторического периода, не только успешен, но и целеустремленно и методично разработан поколениями художников, критиков и торговцев. Анализ Горана срывает многие романтические и сентиментальные маски, в которые привык рядиться модернизм в обыденном восприятии. В то же время критика, разворачивающаяся в экономическом направлении, обнаруживает сложность культурной машины, ее детерминированность и обусловленность многочисленными интересами, среди которых художественные интересы — одни из многих, не более.

Деятельность нью-йоркского Salon de Fleurus проходит вне сегодняшней художественной системы, по ту сторону нынешнего арт-бизнеса. Однако во многих чертах проект Джорджевича пересекается с проектом современной художественно-институционализированной критики, с проектами таких художников, как Андреа Фрэзер, Матиас Поледна, Кристиан-Филипп Мюллер, Райнер Ганал.

15. Технологии сопротивления: вонять

Испускать жестокую вонь, осквернять воздух, выпускать наружу чудовищное зловоние — прекрасная технология сопротивления. Встаньте на центральной улице какого-нибудь большого города — Нью-Йорка, Сиднея, Йоганнесбурга или Лондона и попробуйте выпустить из себя всю вонь, какую только вы успели вместить в себе за всю вашу оскорбительную, испоганенную, развороченную жизнь. Выпустите, выпустите тухлую смесь — и вам сразу станет легче, а обыватели на улице заткнут свои носы и бросятся врассыпную. Или войдите в какой-нибудь большой, хорошо

освещенный, облицованный мрамором банк — и выпустите зловоние на свободу здесь. Можно надеяться, что служащие бросят свои рабочие места и кинутся в поисках спасения на улицу. Тогда, оставшись в одиночестве, вы сможете набить карманы купюрами и тоже исчезнуть, как невидимка. И еще один совет, совсем дружеский: попытайтесь как-нибудь освободиться от всей своей нестерпимой вони в каком-нибудь знаменитом университете вроде Сорбонны или Гарварда. Сделайте это в полной аудитории, на глазах важного и популярного профессора и внимающих ему студентов. Пусть ваша безобразная вонь медленно заполняет пространство этого зала, пусть она распространяется от одного студента к другому, пока не достигнет лектора. Трудно сказать, какой будет реакция. Может быть, все эти люди постараются скрыть охватившее их отвращение, а может быть, напротив, они начнут возмущенно оглядываться, вскакивать со своих мест, кричать и жестикулировать. Можно даже предположить, что для кого-нибудь из студентов это будет полезный и поучительный урок, не хуже, чем лекция. Но не стоит так уж много думать об окружающих. Главное, доставьте себе это удовольствие, это облегчение, разрешите себе эту усладу, и ваша жизнь станет — пусть на один только миг — не такой нестерпимой и гнусной. Выпускать время от времени накопившееся в нас клокочущее зловоние — освобождающий и поистине сопротивленческий акт.

Господи, какое бессилие! Какое оскорбительное прозябание внутри левиафана неолиберализма! Вы чувствуете? Вы чувствуете?

16. Технологии сопротивления: требования к власти

Еще одна технология сопротивления: предъявлять к власти ультимативные и дерзкие требования. Например, в 1995 году группой интеллектуалов в Париже был опубликован меморандум, в котором выдвигалось безотлагательное требование к правительству: выплачивать приличествующую человеку заработную плату (или просто ежемесячную денежную сумму) всем жителям Франции, независимо от того, работают они или нет. Это требование не было удовлетворено и даже, по всей видимости, не было серьезно рассмотрено правительственными органами, однако значение подобной инициативы трудно переоценить. В самом деле, нужно бомбардировать власть постоянными требованиями экономического, политического и культурного характера: требовать бесплатный проезд в общественном транспорте, бесплатный хлеб для всех, бесплатную раздачу книг в книжных лавках, ежедневный отчет правительства по телевидению о проделанных делах, требовать ежевечерние ужины для бедных в Доме правительства, требовать устройство общественных уборных на площади перед зданием парламента... Чем больше таких требований, тем лучше; чем они радикальнее, тем необходимее. Хорошо, если они будут подкрепляться демонстрациями и забастовками, камнями в полицию и разгромом мебельных магазинов... Требуйте не невозможное, требуйте нужное!

17. Технологии сопротивления: улыбка презрения

Если вы уже не в том возрасте, когда можно вытащить из ножен меч или вскарабкаться на трибуну, чтобы прокричать морю голов о своем отвращении ко

всеобщему бессилию и покорности, если таковая трибуна отсутствует или если ваша аудитория разбежалась, — все-таки вам остается еще ваше несчастное лицо, ваши бледные губы, по которым может (и должна) скользнуть улыбка радикального презрения: ко всему этому происходящему позору, ко всему этому ничтожному человеческому смирению, ко всей этой отвратительной немоте и нищете восстания, ко всему этому беспредельному рабству и холуйству.

С ней, с этой улыбкой на устах, вы можете совершить какое-нибудь мелкое (говоря языком власти) хулиганство: выбить поднос из рук толстолобого официанта, обматерить хозяина вонючего офиса или выстрелить по ушам редактора пакостной газетенки. Чем это не сопротивление, в конце концов? Чем это не сопротивление, еб вашу мать? А может быть, нужно не только улыбаться и вонять? А может, необходимо не только стрелять, а еще и поссать? Еще и посрать? Индивидуально или коллективно поссать? А на каких баррикадах поссать? Давайте-ка вместе все в ногу шагать! Левой, еб твою мать! Левой! Левой, еби вашу мать! А потом и правой, такую-то мать! А потом и средней, едри твою мать!

18. Технологии сопротивления: раздать деньги

Посвящается моей правой щеке

Одной из самых прямых и безоглядных техник сопротивления является такая техника, с помощью которой достигается состояние полного бескорыстия, абсолютной нищеты, то есть когда человек лишает себя собственности. Каждый из нас хорошо знает, как трудно бывает расстаться с чем-то, что привычно вписывается в наш быт, в нашу экзистенциальную рутину, в нашу ежедневную пошлость. Трудно, ах как трудно подарить приглянувшуюся кому-то рубашку, книгу или картину, не говоря уже о машине или квартире. Однако подобные акты дарения необходимо практиковать как можно чаще, до полной ликвидации всякой личной собственности. Переходя из разряда собственников в класс бессребреников и нищих, человек приближается к состоянию дикаря, заброшенного в лес, чьей необходимостью становится познание. Без денег и имущества наилучшим образом познается все: друзья, любимые, коллеги, общество, в котором мы живем, настоящая цена культурных принципов, которым мы следовали. Раздать деньги и имущество — это означает перейти в другую систему политической экономии: читайте Батая. Он говорит нам об экономике потлача и бескорыстного дара, об экономике растраты и роскоши, которая доступна лишь Солнцу и солнцепоклонникам. Батай учит нас безоглядной экономике оргазма, разорения и раздачи. Это — радикальное средство изменить себя и тот кусок реальности, в котором мы непосредственно существуем. Но мы должны помнить и это: оставшись голыми и без копейки, мы можем противостоять власти только телом и речью, только сознанием и пониманием. Никаких пулеметов, никакого напалма. Только пустые животики и распухшие языки-пауки.

ПЯТЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Весьма интересный и радикальный способ борьбы с собственностью практиковал крупнейший русский поэт-футурист Велимир Хлебников. Как рассказывают очевидцы, при чтении какой-либо книги Хлебников вырывал из нее каждую только

что прочитанную страницу, то есть заменял перелистывание вырыванием. Таким образом, всякий экземпляр прочитанной Хлебниковым книги практически переставал существовать. Так поэт бил одновременно по двум целям: по интеллектуальной и по материальной собственности. Ба-бах!!!

19. Технологии сопротивления:

иметь при себе три тысячи долларов

Посвящается моей левой щеке

Дополнительной по отношению к технологии «раздать деньги» представляется нам технология «иметь при себе три тысячи долларов». В самом деле, если мы всегда, при любых обстоятельствах имеем в кармане наличными три тысячи долларов, мы можем быть блистательными сопротивленцами. Ведь с такой суммой можно располагать собой максимально свободно и раскованно. Можно, например, в любой момент сесть на самолет и улететь туда, где происходят события сопротивления, чтобы принять в них участие. А можно передать эти деньги (и еще раз, и еще раз) нуждающемуся сопротивленцу или просто бедняку. А можно купить необходимые для сопротивления технические приспособления. А еще можно не думать о проблемах выживания, обо всех этих завтраках, обедах и ужинах, об отелях и автобусах, можно раз и навсегда забыть об одежде и обуви, о стирке белья и мелких расходах. При наличии этой оптимальной суммы в кармане можно стать идеальными сопротивленцами. А может быть, идеальными засранцами.

20. Технологии сопротивления: ходить без трусов

Вопрос о разного рода «автономах» — это вопрос первостепенного значения для актуальной теории сопротивления. Все знают, что во многих больших городах существуют молодежные коммуны, пытающиеся организовать свою жизнь по независимым или альтернативным принципам. Автономы мечтают о другой жизни — простой, справедливой, более органичной, братской, не отчуждающей, веселой, трудной и эротичной. Они — наследники иной, находящейся в тени власти культурной традиции. Назовем их культуру вербальной, или устной. Часто ее элементы передаются через тексты и визуальные образы, то есть так же, как и составные части гегемониальной культуры. Однако гораздо сильнее, чем текстам и изображениям, представители вербальной культуры доверяют устному нарративу и телесному знанию. Мы, как известно, живем в мире, переполненном устной речью. Но конвертируемой ценностью в этом мире обладает только та речь, которая фиксируется и репрезентируется медиальными средствами. Автономы — это те, кто не доверяет медиальной культуре. Они предпочитают психосоматическое знание — опору так называемых примитивных народов и полуграмотных обитателей третьего мира. Это старое, умное знание много раз было подвергнуто сомнению и осмеянию, но все же выжило и уцелело. В общинах автономов это знание шепчет по ночам и вопит днем. Оно шепчет о любви и нежности (кто еще решится говорить об этом сейчас?), оно вопит о ненависти и ярости (что и вовсе непопулярно). Оно находит своих врагов в

полицейской, а товарищей — в животных. Оно ищет поддержку уже не в шаманизме и радениях, но в музыке, наркотиках и алкоголе. Телесное знание выражает себя в агрессивных слоганах, с помощью зеленых и оранжевых волос, оно сквозит в бледных молодых торсах, в локальной, татуированной обнаженности. Оно предпочитает обходиться без нижнего белья, но зато обожает браслеты и ожерелья. Оно сопротивляется, как может: иногда, как аборигены в Австралии, иногда, как уличные кошки. Оно вызывает недовольство и презрение как со стороны власти, так и со стороны институализированной оппозиции. Власть видит в автономных вырождающееся племя, дегенерацию, институциональные левые — невежество и примитивность. Однако вполне возможно, что эти бедные юноши и девушки — последнее непримиримое, неподкупное сопротивление первого мира. Так называемое интеллектуальное сопротивление слишком часто оказывается сферой множасьих обманов, предательств и лицемерия, слишком часто оно пасует и отступает. Что же касается автономов, то они знают, что такое «номадизм» и «тела без органов» не хуже, чем профессора из французских университетов. На собственной шкуре.

21. Технологии сопротивления: вырабатывать другую культуру

Светлой памяти М.М.Бахтина

Гегемониальная культура явно или скрыто, но постоянно испытывает страх перед силами, репрессированными ею и ушедшими на дно, в подполье, в неизвестность, но продолжающими тревожить, как во сне.

На протяжении столетий под прессом «высокой» интеллектуальной (или интеллигентской) культуры существовала культура «низовая», «простонародная», «рабская», которая, впрочем, тоже, как и «высокая» культура, обладала множеством уровней и слоев. Одним из важнейших показателей этой «низовой» культуры был, как мы уже писали, ее устный характер. Этот последний предполагал совсем иные способы трансляции культурной информации и методы ее закрепления в культурной памяти. Можно сказать, что культурой обменивались, как подарками, она принадлежала буквально всем, кто ею пользовался, она была лишена авторства и жанровой фиксированности. «Мы никогда не узнаем, какой была музыка рабов», — сказал Джимми Хендрикс. Однако мы можем догадываться: музыка рабов складывалась из резких и громких звуков, из странных, не всегда ясных слов, из страстных и наивных телодвижений, из прямых и яростных взглядов... «Высокая» цивилизация репрессировала слишком эротические, «непристойные» телодвижения, слишком резкие вопли, слишком откровенные взоры и заменяла их артикулированной речью и письмом, изощренными визуальными образами и танцевальными фигурами. Косноязычие устной культуры ставилось под запрет так же, как и ее слишком проявленная оппозиционность. «Высокую» культуру раздражали и слишком вольные методы передачи культурного материала, которые игнорировали институты авторства и авторитетности. Ведь в значительной своей части устная культура есть анонимное обращение авторских текстов, претерпевающих в этом обращении различные искажения: сокращения, добавления, переносы значений. Создателям и передатчикам устной культуры свойственно верить в то, что слово и образ не могут быть

собственностью, что в речи одновременно живут разные голоса, действуют разные силы, соучаствуют разные люди. Носители устной культуры часто варьируют уже известные мотивы и формулы, изменяя и дополняя их в соответствии с требованиями момента. Устная культура фиксирует самые разные, иногда очень рискованные эксперименты, разворачивающиеся в экономической, политической, сексуальной и художественной сферах существования. Этого боится официоз.

Устная культура — это древняя и обширнейшая традиция, включающая в себя самые разнородные явления: от фольклорных жанров до «техно». Вступая на разных этапах своего существования во взаимодействие с официальной, «высокой» культурой, устная традиция в настоящее время бытует как гибридное, многосложное образование, отчасти вполне конформистское, отчасти сопротивленческое. «Вырабатывать другую культуру» — это значит сознательно работать со всем наличествующим культурным материалом, относясь к нему с величайшей подозрительностью. Культура — это раб и гегемон одновременно. Только очень точное и конкретизированное оперирование с культурными формами в специфических обстоятельствах места и времени может дать артикулированный и дееспособный сопротивленческий продукт.

22. Технологии сопротивления: плагиат

Светлой памяти Лотреамона

Частным случаем перевода «высокой» письменной культуры в культуру «низовую» и устную является плагиат, то есть прямая апроприация какого-либо авторского текста другим автором или группой авторов. Плагиат предполагает разрушение авторской «ауры» и перенос текста в другой культурный, социальный и политический контекст. Переоценка текста, иногда полностью меняющая все его первичные характеристики, — вот задача плагиата и подобных ему способов манипуляции с культурными продуктами. Одними из первых начали использовать возможности плагиата русские футуристы, в частности Игорь Терентьев, опубликовавший целый манифест в защиту плагиата. Важным средством культурного сопротивления видели плагиат дадаисты, сюрреалисты, а позднее и лидер ситуационистского интернационала Ги Дебор, Один из основателей современного неоиизма Стюарт Хоум продуманно использовал плагиат в своей работе (опубликовав манифест английского художника Густава Метцгера «Художественная стачка» под своим именем). Вся эта современная линия опирается на более глубокие традиции устной культуры, постоянно манипулирующей чужими текстами и приспособливающей их для своих нужд.

Плагиат является всего лишь одной из форм культурной апроприации. В поп-культуре этот метод именуется «сэмплингом» (sampling), в визуальных областях — это коллаж, монтаж и компьютерная обработка. Задачи подобной апроприации могут быть разными. Часто с помощью всех этих острающих культурных методов достигаются резкое пародирование первичного материала, его критика и радикальная деконструкция всех его значений. В других случаях плагиат может служить цели «воскрешения» старого текста, его нового рождения и включения в актуальную культурную память. Признанным мастером культурной апроприации был Марсель

Дюшан с его «рэди-мэйдями», переносивший предметы и знаки «низовой» массовой культуры в культуру элитарную. Ситуационисты, с другой стороны, использовали популярный жанр комикса для достижения радикально-политической задачи -- агитации в пользу изменения общества. Плагиат разрушает приоритеты гегемониальной культуры и в этом смысле является техникой сопротивления. Плагиат — незаменимое оружие в борьбе против культа гения, авторитетности, мифов аутентичности, оригинальности и креативности.

23. Технологии сопротивления: зарыться в песок

Посвящается озеру Иссык-Куль

В своей книге путевых заметок «По Италии» (1909) русский писатель Василий Розанов пишет об итальянских бродягах, увиденных им в Неаполе на берегу моря. Эти люди проводили все свое время, зарывшись в песок на пляже. Всех, кто подходил к ним, любопытствуя, на близкое расстояние, они отгоняли свирепым сквернословием. Розанов замечает, что подобное времяпрепровождение бродяг вовсе не подразумевает их пассивность, асоциальность, отрешенность от мира. Нет, эти бродяги, по Розанову, представляли собой вполне сознательных революционеров, даже философов, демонстрирующих миру свое несогласие и свое пренебрежение всеми нормами и правилами доминирующей культуры. Полиция преследовала этих отщепенцев как злостных нарушителей порядка. Розанов рассказывает о том, как он заступился за одного из них перед рассерженным жандармом. Блюститель закона удалился, не причинив бродяге вреда, и тогда последний жестоко выругал Розанова. Русский писатель был в полном восхищении. Говна-пирога вам, дорогой Василий Васильевич!

24. Технологии сопротивления: голодовка

К голодовке как к методу радикального протеста и сопротивления прибегают многие: заключенные в тюрьмах, их товарищи и доброжелатели на свободе, представители национальных меньшинств, политические и религиозные диссиденты, борцы за права человека и художественные экстремисты. Голодовка почти всегда предполагает предельное обострение конфронтации между индивидуумом и обществом, индивидуумом и государством. Голодовка — это своего рода максимум, своего рода предел спектаклярного протеста. Одновременно голодовка — это вершинная победа отдельного человека над доминирующей культурой и над природой, реализация полного самообладания индивидуума перед лицом мира. Так, например, тюремная голодовка часто является демонстрацией самостоянья, неподчиненности и внутренней независимости заключенного в условиях крайней несвободы и навязанного извне режима. Заключенный показывает, что его тело есть свободная целостность, сама себе диктующая закон и сохраняющая дистанцию от несправедливых общих законов.

И в то же время голодовка — это предельная метафора, выражающая абсолютную победу культуры над отдельным человеком с его «натуральными» потребностями в еде и питье. В данном случае культура требует отказаться от естественных желаний, от элементарного поддержания существования в пользу высокого императива,

который оказывается важнее всего, важнее жизни. Через голодовку, как и через другие крайние формы аскезы, преобразуется весь механизм человеческого поведения. Медленная самоубийственная голодовка — это последняя точка самоисторизации тела и вместе с тем его историзации в большом социополитическом контексте. Ведь религиозный пост христианского монаха — это совсем не то же самое, что голодовка членов РАФ в тюрьме Штаммхайм, и в то же время между этими явлениями есть своя историческая связь.

25. Технологии сопротивления: быть суверенным

Жорж Батай, по всей вероятности, одним из первых поставил проблему суверенного человека. Он позволил нам увидеть того «цельного человека», о котором мечтали когда-то разные социальные группы европейского общества — от самых привилегированных до самых низких. Суверенный человек, по Батаю, это индивидуум, который разрывает цепи ложной человеческой солидарности, выходит из вечного цикла компромиссов, отказывается признавать всеобщие иерархии подчинения — и все это во имя существования, свободного от всяческих ограничений. Батай подводил под этот фантастический образ суверенного человека целую экономическую теорию.

Как известно, любое общество производит больше продуктов, чем необходимо ему для поддержания жизни его членов. Общество обладает избыточными продуктами. То, как оно пользуется избытком, определяет его характер. Избыток, размышляет Батай, есть непосредственная причина изменения структур общества и его истории. Для поглощения и использования избытка существуют разные способы, и самый распространенный из них — рост. Рост имеет разные формы, и у него тоже существуют свои границы. Например, демографический рост с достижением своего максимума часто переходит в войну, то есть в завоевание новых территорий для выросшего населения. Но избыток может реализовываться в обществе и в формах роскоши, игры, развлечений, искусств и т.п. Время от времени возникает критика роскоши, которая ведется то с протестантских, то с марксистских, то с анархистских позиций. В Новое время, как известно, большая часть избытка использовалась для капиталистического накопления, для роста производства. В отличие от средневековой экономической структуры, которая была статичной и использовала избыток непродуктивным, расточительным способом, буржуазия всегда пользовалась избытком в продуктивных целях. Все большие революции были направлены против средневековой непродуктивной растраты ценностей — против суверенных господ, тратящих роскошь без всякой цели. Массы, рассуждает Батай, никогда в действительности не объединялись против буржуазного порядка, предпочтение которого — накопление, а не растрата. Революции XVII, XVIII и XIX веков схожи в одном: все они готовили почву для необратимого накопления ценностей, для роста производства, для индустриального общества. То есть движение шло от приоритетов суверенности к приоритетам буржуазности.

Таким образом, в понимании Батая, суверенный человек — это беспредельный растратчик, убежденный в бесполезности собственных трат и разрушительно настаивающий на этой бесполезности. Батай вводит понятие «беспорядок», чтобы

разъяснить свое понимание суверенности. Именно ценности беспорядка, хотя они обычно не признаются ценностями, являются, по Батаю, единственно божественными, сакральными и суверенными. Человек, закабаленный работой и накоплением ресурсов во имя поддержания существования, способен прийти к высшей свободе лишь посредством беспорядка, может быть, и очень жестокого, разрушительного беспорядка. Именно беспорядок, наделенный полной свободой, и есть суверенность: это абсолютная негативность смерти, это экстаз, это желание без цели, это не знающий ограничений эротизм. В то же время суверенность внеположна знанию как миру опосредования и разграничения. Суверенность опирается не на постижение и воспроизведение, а на чистую случайность, каприз, прихоть. И еще одно, немаловажное: суверенное существо не признает принципа реальности и видит любую форму социальности как извращающую суверенные импульсы, как сферу рабства и подчинения.

Не так уж легко представить себе более радикальный протест, более радикальное философское, политическое и эстетическое отрицание, чем эта концепция Жоржа Батая. Может ли она послужить целям культурного и политического сопротивления? Разумеется, может. Больше того, она является одним из теоретических пределов сопротивления. Сарынь на кичку! Ебать твою пичку!

26. Технологии сопротивления: противостоят артистическому двурушничеству

For Stewart Home

Нам уже приходилось писать о процессах апроприации, происходящих на культурной сцене, когда гегемониальная культура в результате различных манипуляций включает в себя инородные культурные элементы, присутствующие в данном обществе. Сейчас мы хотели бы более конкретно поговорить на эту тему.

Дело в том, что апроприация вовсе не означает того, что властвующая официальная культура репрессивно и авторитарно вбирает в себя неофициальную андеграундную культуру. Ни хуя подобного. Никакой бинарной оппозиции между официальной и неофициальной культурами нет. Грубо говоря, все индивидуумы, занимающиеся культурным продуцированием, — двойные агенты, холуи, обслуживающие, как бляди заебанные, сразу нескольких хозяев. Например, представители так называемого художественного авангарда не столько бунтари, ниспровергатели и оппозиционеры (*destroy all monsters!*), сколько строители новой официальной культурной системы. Футуризм, дадаизм, сюрреализм и ситуационистский интернационал одновременно и критиковали консервативные формы культурного продуцирования, и способствовали оформлению новых форм культурной консервации. Современные так называемые критические художники тоже в конце концов становятся истеблишированной элитой, высокой культурой и успешно вписываются в официальную историю искусства, которую пишут такие же критически настроенные истеблишированные бонзы. Современная арт-система, включающая в себя множество уровней и моделей (галереи, музеи, журналы, кураторы, критики, дилеры, коллекционеры, художники и т.п.), — это детище и общественных институций, и самих деятелей культуры. Это детище,

кстати говоря, суть ублюдков авангардистской традиции, с одной, маминой, стороны, и традиции холодной войны — со стороны папиной. Этот высоколобый ублюдок абсолютно недееспособен в политическом отношении и чудовищно зловреден в художественном. Коллаборировать с властью, посильно участвовать в делах ее — любимое занятие художников и литераторов, режиссеров и критиков, протитуированных многовековой историей обслуживания государства и его институций.

Возникает вопрос: как противостоять этой «нечистоте» артистической братии, как бороться с коллаборационистским духом в современных условиях? Только одним способом: постоянным и неусыпным контролем самих себя в каждом конкретном начинании. Обнаружение и вскрытие перед самими собой и перед аудиторией предпосылок и условий работы, скрупулезный анализ ситуации, в которой разворачивается каждый данный проект, помогут понять, чем мы занимаемся и какой политике мы служим. Нужно понимать самих себя: это залог честной работы в культуре. Но честность делает бедным.

ШЕСТОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Прекрасной иллюстрацией того, как двойственно и непросто работает механизм современной культуры, может послужить неоавангардистское движение, члены которого именуют себя неоистами (Neoism или Neoist Cultural Conspiracy). Считается, что корни неоизма находятся в Портленде, штат Орегон. Художники Дэвид Зак и Ал Акерман, а также панк Марис Кундзин работали здесь в 1977 году с критической идеей под условным названием «открытый концепт поп-звезды» и предложили «мультиплъ»-имя «Монти Кантсин», которым мог бы пользоваться каждый, кто пожелает атаковать культ поп-звезд. Немного позже к неоистам примкнул венгерский эмигрант Иштван Кантор. Главными художественными источниками неоизма стали флюксус и мэйл-арт, принципиальными теоретическими понятиями — различия между коммерческим искусством и андеграундом. Кроме того, на неоизм сильно повлияли панк и вся постпанковская культура. И наконец, разные формы оккультизма, патофизика, культура сумасшедших, традиции тайных обществ и конспиративных организаций тоже сыграли немаловажную роль в оформлении неоистских манифестаций.

В 80-е годы неоистские квартирные «фестивали» регулярно имели место в США, Англии и Канаде. В 1984 году на одной из неоистских сходов оказался Стюарт Хоум, что стимулировало движение на новые свершения. Однако уже в 1985 году Хоум, недовольный теоретическим уровнем и практической деятельностью группы, вышел из неоизма и вскоре основал свою собственную независимую фракцию в Лондоне. Впрочем, интервенция Хоума в неоизм сильно преобразовала движение, поскольку именно этот англичанин сформулировал наиболее ценные для неоизма концепты плагиата, имени-мультиплъ и художественной стачки.

Несколько слов о генеалогии имени-мультиплъ. Первые следы концепции коллективного псевдонима в культуре XX века мы находим в дадаизме. В 1920 году Рауль Хаусманн предложил своим друзьям — поэтам и художникам — войти в «Общество Христа», где за 50 марок каждый мог именоваться Иисусом Христом. В свою очередь Стюарт Хоум предложил имя «Карен Элиот» как всеобщую

идентичность всех, кто участвовал в неоизме. Еще одним именем-фантомом стало для неоистов имя «Лютер Блиссетт». По замыслу инициаторов, имя-мультипл должно противостоять культам звезд и авторитетов, царящим в доминирующей культуре, а также создавать новую — коллективную — культурную реальность. Однако идея коллективного псевдонима не имела большого успеха. Главная проблема заключалась в том, что заинтересованная аудитория неизменно искала за фиктивным именем его реального носителя, и на этом кончались все игры с мультиплом. Неоавангардистская выдумка породила текстуальные забавы — и точка. Так было и с большинством других неоистских начинаний.

Вообще говоря, «новое» как категория в неоизме совершенно пусто и негативно. В раннем неоизме содержанием было собственное обыгрывание-переигрывание-заигрывание, дефиксация, игра самоисторизаций. Неоизм саморефлектировал на тему — является ли он новым явлением в культуре или только пародирует идеологию нового. Так что в неоизме идея плагиата — это необходимый критический ответ на запросы нового. Как известно, для исторического авангарда идея оригинального, первичного, нового — это принципиальная, самоорганизующая идея, которая позднее выродилась хуй знает во что. Хол Фостер (Hal Foster) в своей книге «Возвращение реального» задает вопрос о репродуцировании идеи нового в художественной практике второй половины XX века. Фостер различает первый неоавангард 50-х годов (как Раушенберг и Капроу), который занимался переизобретением авангарда и трансформацией последнего в институцию, и второй неоавангард 60-х (как Бродэрс или Бюрен), который практиковал критическое отношение к институционализованному псевдоавангарду. Неудача исторического авангарда, который не сумел разрушить институцию искусства, позволил неоавангарду критично заниматься проблемой институционализации. И наконец, сегодняшнее институциональное критическое искусство (Андреа Фрэнгер, например) продолжает этот проект. Как раз исходя из этой традиции осознания авангарда, неоист Стюарт Хоум и интерпретирует исторический авангард как гегемониальный и рвущийся к власти проект. Хоум справедливо указывает на универсалистские амбиции и авторитарные интенции авангарда, а также на его пошлое доверие к институциям. Например, он пишет о вопиющем по смехотворности факте: оказывается, ситуационисты (вот они, революционеры пообанные!) специально посылали свои материалы и документацию в музеи, чтобы вся эта хуйня архивировалась. В такой двойственной политике — декларировать свою радикальность и подчиняться самым паршивым нормативам — Хоум видит отличительную черту всего современного искусства, ведущего свою линию от авангарда. И сам неоизм тоже осознанно играет с этой двойственностью и репродуцирует ее. В целом радикализм неоизма носит текстуальный характер и представляет собой вариант постмодернистских стратегий выживания и репрезентации.

И еще: неоисты — патриархальные фаллоцентрические кастраты, не допускающие девушек в свою говняную компанию. Мы их за это презираем, блядей обосранных.

27. Технологии сопротивления: стачка

Памяти Эйзенштейна

Стачка — это забастовка.

Стачка — это потасовка.

Стачка — это крик и смех.

Стачка — это свальный грех.

Стачка — это дискотека.

Стачка — это метка века.

Стачка — это ветка плети.

Стачка — это дырка в клетке.

СЕДЬМОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Как мы уже писали, неоисты разрабатывали идею art-strike (художественной забастовки), которая могла бы состояться полномасштабно на международном уровне. Стюарт Хоум опубликовал текст, в котором предложил прекратить всякое культурное продуцирование, дистрибуцию и дискуссии вокруг искусства в период с 1990 по 1993 год. Таким образом, по мысли неоиста, классовая борьба будет перенесена в мир искусства и в конце концов приведет к развалу мировой арт-системы.

Идея художественной забастовки, однако, вовсе не принадлежала Хоуму, он лишь искусно использовал ее в соответствии с принципом плагиата. Хоум опирался прежде всего на известную инициативу Густава Метцгера, который призвал художников к проведению забастовки еще в 1977-1980 годах. (В 1979 году подобное предложение выдвинул и Горан Джорджевич, но unsuccessfully.) Инициатива Метцгера носила, однако, в первую очередь экономический характер. Метцгер надеялся, что после трех лет абсолютной прострации экономическая база арт-системы будет подорвана и художники смогут диктовать миру те формы творчества, которые они действительно хотят производить. По мнению Хоума, впрочем, это было бы только атакой на актуальную систему искусства, но не на идеологический статус искусства в обществе. Хоум справедливо полагал, что искусство и артистическая креативность отнюдь не прогрессивны и не оппозиционны отношениям власти и что выпад нужно сделать именно против этих творческих мифов. В этом пункте Хоум сильно отличался от многих и многих деятелей культуры, которые верили и продолжают верить в «минирующий» эффект своей работы.

Art-strike в интерпретации Хоума продуцировал гигантский парадокс. Хоум прекрасно сознавал неосуществимость и утопизм тотальной забастовки в мире конкурирующих между собой и коррумпированных художников. Больше того, Хоум даже и не ждал какой-либо серьезной поддержки со стороны художественного сообщества. В отличие от Джорджевича и Метцгера, верящих в позитивный результат культурной забастовки, Хоум считал, что в «обществе спектакля» подобная инициатива станет очередным шоу, разыгранным для масс-медиа и знатоков. Хоум видел в призыве к забастовке текстуальное событие, которое вступает в игру с другими текстуальными событиями и перегруппировывает их определенным образом. Для Хоума art-strike —

это не социальный или политический акт, а прежде всего искусство, искусство сегодняшнего дня. Для взглядов Хоума характерен определенный пессимизм, неверие в возможность изменения постмодернистского общества с помощью радикальных художественных жестов. Состояние современной арт-системы постоянно меняется из-за различных художественных интервенций. Сама эта система нацелена на продуцирование провокаций. Всякое «антиискусство», направленное против институции искусства, неизбежно становится частью системы. В свою очередь то, что не признается системой за искусство, выбрасывается из истории, из дискурса и объявляется политикой, или криминальностью, или сумасшествием. Это сильно детерминирует любой радикальный жест и обрекает его либо на коллаборационизм, либо на исчезновение.

Хоум забывает только, что за пределами арт-системы тоже есть культурное пространство и его-то и нужно сейчас обрабатывать. Добро пожаловать в третий мир!

28. Технологии сопротивления: граффити

Посвящается Берту Папенфюзу

Граффити — это форма символического захвата мест, которые обычно считаются «чисто функциональными»: стен зданий, заборов, туннелей, поездов, мостов, пьедесталов и т.п. «Чистая функциональность», впрочем, не что иное, как миф: любая бетонная стена имеет всегда скрытое символическое и конкретно-определенное значение и глубоко укоренена в местных контекстах. Символический захват граффити достигается не только с помощью баллончика с краской, но и посредством наклеек, мелких рисунков и надписей, листовок, вырезок из газет и т.п. Граффити манипулируют с общественным пространством, то есть с таким контекстом, где отношения власти и господства существуют в материальной форме — в цементе, стекле, металле и других строительных и архитектурных материалах. Так называемое общественное пространство в нынешнем обществе структурировано во всех деталях, и возможности использования этого пространства существуют не для всех одинаково.

Граффити отрицают такое понимание общности, которое связано с идеями собственности и бюрократической (и полицейской) легитимации. Граффити сопротивляются устрашающим или примиряющим значениям архитектурных форм, за которыми всегда прячутся интенции власти. Обычное желание власти — эстетизировать политическое и тем самым замаскировать отношения господства и подчинения, сделать их чем-то «органичным» и «естественным». Делать граффити (наносить на предметы и плоскости имена, изображения, слоганы или сокращения) — это означает ставить под сомнение претензию власти полностью контролировать пространство и единолично обживать его, Граффити, которые несут в себе открытую политическую критику, непосредственно направлены на дестабилизацию общественного пространства. Граффити, которые не имеют прямой политической окраски, но агрессивно вторгаются в среду с эротическими, нигилистическими или абсурдистскими интенциями, нарушают существующее в обществе предписание продуцировать позитивный смысл и тем самым тоже являются своего рода атакой на систему.

Все вышесказанное, впрочем, относится к героическому периоду граффити, который можно датировать 1960-1970-ми годами.

Современные граффити далеко не всегда критичны и подчас вообще лишены какого-либо послания. Мы уже знаем, что кроме репрессий власть знает и позитивные стратегии воздействия, которые успешно лишают граффити политического потенциала. Это происходит в процессах апроприации и интеграции, когда власть фальсифицирует или маскирует первоначальные намерения граффитистов и адаптирует их в интересах официальной культуры. В настоящее время граффити весьма часто используются для задач декорирования пространства и украшения общественных мест. Еще один эффективный метод, лишаящий граффити оппозиционного политического значения, — это интеграция самих художников-графффитистов в официальную культуру. Так случилось, например, с американцем Китом Хэрингом.

Неплохой пример того, как активно работают механизмы культурной власти, дает «графффитист из Цюриха» («sprayer von Zurich»). Этот анонимно действовавший граффитист продуцировал имиджи скелетов, людей-пауков и человеко-монстров на стенах домов в Швейцарии и Германии. В 1979 году полиция арестовала художника. Он был идентифицирован как Харальд Нагели (Harald Naegeli), гражданин Швейцарии. Нагели получил девять месяцев тюрьмы. Как это ни абсурдно, ко времени тюремного заключения граффитиста его работы были уже интегрированы в контекст искусства (находились в галереях и даже музеях), то есть в тот самый контекст, против которого они были изначально направлены. В настоящее время некоторые из его граффити находятся под охраной государства как культурные памятники. Браво! (Твою мать!)

Также под защитой государства находится известная берлинская «East Side Gallery». Это часть Берлинской стены в районе Кройцберг, декорированная граффити художников со всего мира и превращенная в туристический аттракцион, напоминающий о воссоединении Германии. Легитимированное, официально одобренное искусство уличных художников снабжено в Берлине даже адресами и именами авторов. Неоднократно проводилась реставрация этих произведений. Разумеется, эти ебаные берлинские граффити воплощают не историческую правду о двух Берлинах, а выражают интенции власти и ее попытки интерпретировать историю. «East Side Gallery» — чистой воды подлог, фальсификация, узурпация.

ВОСЬМОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

В январе 1998 года авторы этой книги предприняли попытку сопротивленческой акции в «East Side Gallery». Ранним воскресным утром мы пришли к пресловутой Берлинской стене, имея при себе два ведра с серой краской, вальки для покраски стен и пачку листовок. Мы начали закрашивать (уничтожать) граффити, стараясь вернуть Берлинской стене ее первоначальный вид. На уже закрашенные плоскости мы клеили листовки с текстом. Содержание текста было следующим: «Попытка закрасить граффити Берлинской стены («East Side Gallery») — это политический жест. Он иллюстрирует очевидный факт: Берлинская стена существует. Она существует не материально, но как символическая граница, отделяющая «своих» от «чужих», изобилие от нищеты, Объединенную Европу от варваров. По-прежнему мы

существуем в пространстве примитивных оппозиций, продуцируемых властью, несмотря на все деконструкции, предпринимаемые интеллектуалами. Мы больше не верим в эффективность этих деконструкций и поэтому совершаем попытку физического вмешательства, чтобы выразить наш скептицизм, наше неподчинение и наше сопротивление (Подписи)». Через пятнадцать минут после начала акции мы были арестованы полицией, но еще через три часа освобождены. По словам следователя, дело должно было быть передано в суд. Еби свое дерьмо, вонючий полицейский!

29. Технологии сопротивления: быть художником

То, что обычно называется искусством, — это исторически развивающаяся конвенция, к которой можно иметь и стратегическое отношение. Разделение политического и художественного также есть историческая условность, оформленная в интересах рынка, карьерных устремлений художников и профессиональных амбиций историков. В целом же быть художником означает выработать неконвенциональные социополитические практики и реализовывать их на собственном опыте. Естественно, что эти социополитические практики находятся всегда в тесной связи с местными, локальными контекстами и исходят из последних. Всякая попытка рассмотреть за сегодняшними потрясениями, разрывами и лакунами историко-трансцендентальное предзнаменование культуры выдает в художнике малодушное и слепое следование общим универсалистским штампам, продуцируемым гегемониальными капиталистическими дискурсами. Быть художником — это значит находить занозы на гладких поверхностях смыслов, наступать босой ногой на лицо теории, просовывать свой язык в анальную дыру политики, индивидуализировать волосы на голове структурностей. Неужели Джефф Кунс что-то смыслит в искусстве? Неужели искусство связано с Маурицио Каттеланом или Майком Келли? Артикулировать крошечные участки микрополитик, разворачивающихся и сворачивающихся ежесекундно на дюнах сознания, — вот что такое быть художником. Однако следует ежеминутно помнить, что искусство несовместимо с фигурой вопрошания или созерцания: искусство есть всегда захват, вторжение, активное внедрение, проникновение на враждебную территорию и ее немедленное покорение. Искусство есть искусство войны, искусство сопротивления, искусство вторжения и отторжения. Все дееспособные художественные практики в своих военных стратегиях опираются на явления множественности, тональности, контекстуальности и неадекватности. Искусство не строит крепостей и долговременных учреждений, но это и не «fast-food» или бумажная посуда: искусство — это сверкание сабли и прямой взгляд, объятие и испаряющийся аромат. Объятие, несущее угрозу и непримиримость. Испаряющийся аромат неистовства и сомнения.

Но что, собственно, есть предлагаемая на этих страницах интерпретация художественной деятельности в военных, милитантских терминах? Она означает не больше, чем понимание искусства как организацию конфликтных зон. Конфликт как продукт художественной работы, создает новые человеческие (персональные) отношения внутри конкретной микроструктуры и проблематизирует привычные, ставшие уже нормой отношения. Конфликт выявляет несовместимости и бессознательные оппозиции, неравенства и дифференции. Конфликт продуцирует не

мнимый консенсус, но диалог и осознание сложностей ситуации. Быть художником — это значит порождать непрерывные конфликты в зонах мнимых умиротворенностей, на территориях декларируемого спокойствия, на огороженных участках упорядоченности.

30. Технологии сопротивления: быть непрозрачным

Что же это такое — быть непрозрачным?

Как формулировал Мишель Фуко, всякий субъект формируется дискурсами, а не психологией, своим местом в конфигурации культурных сил, а не личными вкусами, привычками и желаниями. Именно это и делает индивидуума прозрачным и понятным: выявление и прочтение другими тех дискурсивных сплетений, которые организуют субъекта и определяют его место в мире. На этом основаны вся современная культурологическая интерпретация, весь постструктуралистский критический подход. С субъекта сдираются и дешифруются его дискурсивные «шкуры», и он предстает голым и беззащитным в своей социокультурной идентичности.

Поэтому быть непрозрачным — это быть непочитаемым, непонятым, неочевидным для принятых техник анализа и идентификации. Сам Фуко конструировал себя как «философа в масках», скрывающего свою «идентичность» и намеренно ускользающего от всякой тотальной проясненной и последней определенности. Не быть ни «художником», ни «философом», ни «революционером», ни «консерватором», ни «интеллектуалом», ни «критиком» означает сохранять место для свободного маневра, для быстрого передвижения внутри стабильных и косных систем. Такое передвижение необходимо для сопротивления установившимся классификациям и дисциплинарным принуждениям.

То, что мы называем здесь непрозрачностью, в других контекстах может именоваться автономностью, микрополитикой, ликвидацией ролевых функций или «минированием». Непрозрачность продукта и невозможность репрезентации сопутствуют всем этим моделям поведения, поскольку все политики непрозрачности исходят из невозможности фиксировать конечные значения.

31. Технологии сопротивления: быть прозрачным

Быть прозрачным — это значит быть ясным и понятным в каждом конкретном событии коммуникации. Не нужно темнить и скрывать значения: нужно лишь ликвидировать их финальные смыслы. А потом скорее припасть к водопроводному крану.

32. Технологии сопротивления: уличные беспорядки

Уличные беспорядки могут носить как массовый, так и индивидуальный характер. Проходя мимо витрины, швырнуть в нее молоток. Разбросать мольберты уличных

художников. Остановить автомобильное движение на улице. Обворовать булочную до последнего куса хлеба. Организовать на проезжей части небольшой карнавал. Провести импровизированную демонстрацию. Устроить митинг. Произнести перед прохожими политическую речь. Забросать здание банка говном. Устроить массовый стриптиз. Раскидать с балкона деньги. Прикинуться компанией душевнобольных. Спровоцировать школьников на громкий скандал в парке.

К сожалению, все эти веселые, куражные методы больше не работают. Но не нужно впадать в отчаяние: действуйте, выдумывайте.

ДЕВЯТЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

В больших городах Италии в 70-е годы было неспокойно. С окраин общества шла волна мокропиздого недовольства и хуелипкой ненависти. В авангарде молодого движения встали грязноногие «городские индейцы» — «Indiani Metropolitanani». Они активно разрабатывали техники борьбы против капиталистического промывания мозгов и морального разложения молодежи. События разворачивались в треугольнике Рим—Болонья—Милан. «Городские индейцы» связывали социально-революционные методы классовой борьбы с авангардистскими техниками эстетического бунта. Одним из главных лозунгов «индейцев» был лозунг: «Массы хотят стать поголовно авангардистами!» Они делали граффити, в которых обесмысливали слоганы власти, доводя логику буржуев до полной абракадабры. Они хихикали в рожу миланским умытым и разгалстученным бизнесменам. Они торчали днями и ночами в своем вонючем андеграунде, строя планы грандиозной потасовки.

Где вы сейчас, залихватские "городские индейцы", в каких, еб вашу мать, резервациях?

33. Технологии сопротивления: буквализм

Под буквализмом мы понимаем стремление к немедленному воплощению мысли в поступок, нарочитое неразличение теории и практики и еще такое отношение к дискурсам, которое предполагает буквальное их осуществление в жизни. Здесь и сейчас.

Если прибегать к широким обобщениям, то можно скачать, что мы ныне живем в мире текстостремительной культуры. Это означает, что реальной интенцией всякого культурного начинания является текстуальная его репрезентация. Культура получает свою последнюю легитимацию, будучи представленной и зафиксированной как текст среди других текстов. Наиболее успешным оказывается такой текст, который получает максимальное количество текстуальных же откликов, ссылок, комментариев. Текст живет как его эхо, как множасьиися его цитирования, как его интерпретации, как его критика. (Возьмем, например, такой текст: фильм Ридли Скотта «G.I.Jane». В этом американском фильме речь идет о женщине-офицере (Дэми Мур), которая попадает в специальный военный лагерь, где готовят отборные группы войск. Героиня проходит все возможные испытания и в конце фильма даже участвует в диверсионной акции в Ливии. Фильм имеет явственный фашистский привкус и все необходимые атрибуты фашистского текста: апологию корпоративности и военной элитарности, проповедь

милитаризма, идею инклюдированности персональной сексуальности в профессиональное «братство» и т.д., и т.п. Однако на самом деле этот фильм (визуальный текст) — воспроизведение подобных же текстов об отборной военной элите и игра с этими текстами. Если бы Ридли Скотт сделал свой фильм в 30-е годы в нацистской Германии, его произведение функционировало бы как агитпроп, как руководство к действию. В современном же контексте фильм Скотта — это прежде всего текстуальность, которая, конечно же, влечет за собой самые разные — в том числе и внетекстуальные — следствия, но манифестирует себя именно как текст среди других текстов.)

Однако мы знаем и другие типы культур, в которых культурный текст понимался часто как прямое руководство к действию, как наставничество в политической борьбе, религиозном поиске или этическом свершении. Русская культура XIX века — хороший тому пример. Императивы, провозглашенные такими авторами, как Лермонтов, Толстой, Достоевский, Чернышевский, а позднее и русскими символистами, становились непосредственными импульсами, преобразовывавшими жизнь и практическую деятельность поколений людей. В данном случае можно говорить о феномене текстобежной культуры. Здесь текст служит индивидууму как источник сведений о преобразовании себя и мира. И часто индивидуум очень буквально, прямолинейно прилагает текст к своей жизни и использует его для изменения последней. Предельные примеры: уход писателей (Александр Добролюбов и некоторые другие) из профессиональной среды и растворение их в народе (к чему призывали важнейшие тексты русской культуры). Буквальный перенос текста в свою жизнь, трансформация текста в тело — этому отдали дань не только Блок, Маяковский или Хлебников, но и Рембо, Гоген, Арто и некоторые другие представители западной культуры. Этот буквализм предписывает понимание искусства как этики, восприятие эстетики как политики и последующую их реализацию в собственной судьбе.

Особым стремлением буквализировать тексты, трансформировать текстуальность в телесность обладает низовая, устная культура (в противоположность высокой, официальной). Непрерывно взаимодействуя с самыми разными текстами, низовая культура успешно демегафоризирует письменные тексты. Результаты часто оказываются весьма трансгрессивными. Они выходят за пределы, мыслимые для письменных идей в письменной культуре. Например, текстовые грезы об андрогине, об абсолютной чистоте и безгрешности реализовывались в русской сектантской культуре (у скопцов) через прямое оскотление. Также и марксистский дискурс подчас находил буквальную реализацию в беспощадных поджогах помещичьих усадеб. Новые политические доктрины о справедливости и равенстве во время французской революции буквализировались в гильотине. Эти текстобежные тенденции рассматриваются часто как регрессивные и примитивистские. Но все не так просто. Текстостремительность современной культуры, полная текстуализация критических интенций, растворение политической воли в печатной продукции есть тоже род цивилизационного одичания и импотентной деградации. Слова, слова, слова... Они размножаются, как крысы, рождаясь в кафе, университетских аудиториях и на трибунах, а затем тиражируясь в типографиях и компьютерных сетях, создавая бесконечное и терроризирующее разнообразие дискурсов. К словам можно вернуться, от слов можно отречься, слова можно оспорить другими словами, словами можно

обмануть и заговорить жизнь...

Буквализм берет слова в их «прямом» смысле и претворяет их в поступки. Слова становятся плотью. Часто они теряют в этой трансформации свою многоуровневость, сложность, прихотливую условность. Взамен они получают самые непредсказуемые подарки судьбы: слово, превращенное в дело, может привести в сумасшедший дом, в тюрьму, в неизвестную страну, может стать причиной нищеты или смерти. Однако у сопротивленца нет другого пути, кроме этого: превращать слова в действия, мысли — в поступки.

ДЕСЯТЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

В настоящее время в среде западных неинституционализированных сторонников левого сопротивления нередко можно услышать, что активное, практическое противостояние отношениям власти закончилось тогда, когда наибольшую популярность получили текстуальные идеи Мишеля Фуко, Жиля Делёза, Жака Деррида и их ближайших последователей.

Речь идет о том, что постструктуралистская текстуальность разрушительно подействовала на сопротивление в западном обществе, подорвала своими спекуляциями политический и культурный противостепенный активизм. Нам кажется, что проблема эта непростая и решать ее следует очень конкретно, дифференцированно.

Как известно, Мишель Фуко всегда стремился сочетать критическую дискурсивную работу с политическим праксисом. В целом, его отношение к соотношению теории и праксиса прекрасно выражено в следующих словах: «Вместо того, чтобы писать книгу по истории правосудия, которая затем будет подхвачена теми, кто на практике поставит правосудие под вопрос, мне хотелось бы начать именно с того, чтобы поставить под вопрос правосудие практически, а затем — если я еще буду жив и не сяду в тюрьму, — ну, тогда я напишу книгу...»

Фуко участвовал во множестве политических начинаний и акций: он организовал акцию против приема Жискара д'Эстена в 1977 году Леонида Брежнева; участвовал в демонстрации в поддержку Параджанова; поддержал польскую "Солидарность"; создал "Группу информации о тюрьмах" и т.д. и т.п. (Перечисление всех его акций заняло бы не одну страницу.) Именно Фуко уделял громадное внимание вопросу о связи теории и праксиса — и всегда в пользу последнего.

В известной беседе Фуко-Делёза "Интеллектуалы и власть» Делёз формулировал: «Отношения между теорией и праксисом всегда специфичны, локальны и фрагментарны. Как праксис связывает одну теоретическую точку с другой, так и теория организует отдельные явления праксиса в целое... Но теория всегда рано или поздно создает стену, которую может разрушить только праксис». К этому можно добавить, что иногда праксис может выступать в роли теории, и наоборот — теория в специфических обстоятельствах может играть роль необходимого праксиса. Сарынь на кичку!

Что же касается Жака Деррида и теоретических идей деконструкции, наше отношение к ним неплохо выражает следующий анекдот.

Во времена татаро-монгольского ига по непролазной грязи идет русская крестьянская семья — муж и жена. Вдруг к ним на коне подъезжает татарин. Он обращается к мужу: «Слушай, я хочу ебать твою жену. Но тут слишком грязно. Когда я буду ее ебать, поддержи мне яйца, чтобы не запачкались. Понял?» Татарин слезает с коня, ебет крестьянскую жену, залезает на коня и едет прочь. Тут крестьянин начинает смеяться: «Ха! Ха! Ха!» Жена, плача, говорит: "Да ты что, дурак, хохочешь? Он же меня выебал!» Тогда муж отвечает своей жене: «Я смеюсь, потому что перехитрил татарина: я не держал его за яйца».

Текстуальное сопротивление деконструктивистской традиции чем-то похоже на поведение этого крестьянина.

34. Технологии сопротивления: смеяться, хохотать

Хорошее настроение всегда более прогрессивно, чем культурный пессимизм. Это, конечно, не значит, что хихикающие дебилы с телевидения являются нашим идеалом. Однако и то правда: язык власти охотно прибегает к понятиям мировой катастрофы, апокалиптической угрозы, страшного прогноза, чтобы запугать и привязать обывателя. Хохот же разрушает парализующий порядок страха. Если дискурсы власти часто фиксированы на прошлом и будущем, создавая иллюзию культурной непрерывности и преемственности, то смех предельно укоренен в настоящем, в текущем моменте, разоблачающем личины трансценденции. Как сказано в известном стихотворении:

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами, что смеянутся смеяльно,

О, засмейтесь усмеяльно!

О, рассмешит, надсмеяльных — смех усмейных смехачей!

О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!

Смейево, смейево,

Усмей, осмей, смешики, смешики,

Смеюнчики, смеюнчики.

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Засмеяться вовремя и по делу — это действительно может оказаться сильным противодействием поганой серьезности властных отношений. Смейтесь на семинарах и парадах! (О смехе читайте у Бахтина, Бергсона и Делеза.)

ОДИННАДЦАТЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

По некоторым историческим свидетельствам, Владимир Ленин целых два дня хохотал сразу после Октябрьского переворота. Был ли это ясный и оздоравливающий смех человека, совершившего сопротивленческую акцию? Ни в коем случае. Скорее всего,

это было гнусное хихиканье политикана, перехитрившего своих конкурентов. Следует строго различать цинический, инфантильный, презрительный, идиотический, дурацкий дохлый, гомерический, отчаявшийся, добродушный, одобрителный, невинный, дурашливый, гадкий, раболепный, умный, бессильный, веселый и развенчивающий смех. Смейтесь весело!

35. Технологии сопротивления: действие со стулом

Можно ли учиться технологиям активного сопротивления в домашних условиях? Можно ли укреплять ежедневно свои сопротивленческие инстинкты и мускулы? А почему бы и нет, скажите на милость? Вот одно простое и убедительное упражнение: действие со стулом. Попробуйте, поупражняйтесь.

Здесь стоит стул.

Что мне с ним делать?

Я могу на него сесть.

Это означает усталость.

Я могу его дать тебе.

Это означает вежливость.

Я могу его бросить в огонь.

Это означает: мне холодно.

Но мне сейчас не холодно.

Сейчас я в ярости.

Я в ярости из-за несовершенства:

Несовершенства мира.

Я беру этот стул.

Я бросаю его об стену.

Это начало действия.

Это начало всего.

36. Технологии сопротивления: ненавидеть

Эмоционализм разного рода, апология эмоций — это сейчас не слишком популярная вещь. Однако проявление эмоций нормально и необходимо, как поцелуй, как блажь, как отрыжка, как холод. Нужно воспитывать в себе эмоции — и ненависть прежде всего. Воспитанная, точно направленная, вооруженная сознанием ненависть необходимость для всякого сопротивленца. Видели ли вы когда-нибудь сильно обиженного ребенка, охваченного мощным припадком ненависти? Видели ли вы, как он начинает топотать ногами, размахивать руками, орать и сверкать глазами? Видели ли вы, как он кидает в своих врагов камнями, песком или пустыми бутылками? Подобная ненависть опасна и саморазрушительна. Но если ваша ненависть сочетается с самоанализом и контролем над ситуацией, со знаниями и пониманием происходящего — это прекрасно, это значит, что вы живы, что вы в хорошей форме. Сопротивленец — это не машина, не робот, не холодильник с мертвыми цыплятами,

не компьютер, не терминатор. Сопротивленец — это живой человек со всеми своими воспоминаниями, невротами, капризами, страхами, любовью. И со своей ненавистью, конечно же.

Но запомните раз и навсегда: не наполняйте ненавистью все свое существо! Для ненависти есть одна мера — мизинец. Прежде всего следует воспитывать в себе не ненависть, а недоверие. К чему нужно испытывать недоверие? Недоверие нужно испытывать к:

- а) дискурсам;
- б) президентам и премьер-министрам;
- в) бюрократии разного рода;
- г) искусству;
- д) правосудию;
- е) декларируемой свободе;
- ё) сексу;
- ж) теории;
- з) средствам массовой информации;
- и) редакторам журналов;
- к) военщине;
- л) интриганству;
- м) поучительным, авторитетным интонациям;
- н) собственным успехам;
- о) пропаганде сопротивления;
- п) проявлениям любого насилия;
- р) поп-культуре;
- с) элитарной культуре;
- т) коллективу
- у) доктринерству...

Остальные пункты вы можете прибавить сами. Никакого алфавита не хватит.

37. Технологии сопротивления: атака на скуку

Чудовищная скука царит в наших городах. Паршивые иерархии. Мерзопакостная патриархальность. Паскудная тюремность. Патологическая барахольность. Трусливая корректность. Свинорылое хамство. Вот, кажется, и все развлечения. Самые большие радости: сходить в кино, на выставку, в бордель или в кафе. Премного благодарны, спасибочки. Дискотека, блядь!

«Общество дисциплины» и «общество контроля», впрочем, как и разные там тоталитарные и фундаменталистские общества, порождают и воспитывают скуку как свое самое дорогое и любимое детище. Эта дерьмовая скука носит ныне полуполицейский, полуклинический характер. С одной стороны', общество муштрует,

с другой, не менее поганой, стороны, оно лечит. То вы маршируете в защитной униформе, то валяетесь на кушетке в байковой пижаме. То вы отдаете честь, то ноете и ссыте в горшок. В специально предназначенные солнечные сезоны вы щеголяете в бикини на пляже. Играете в волейбол. Исповедуетесь врачу или приятелю. Улыбаетесь начальству. Пьете пиво и водку. Едите арбуз. Надеваете модную меховую буденовку и сиреневые кальсоны. Смотрите телевизор. Старитесь, ссыхаетесь, маразмаете.

Скука забралась к нам в пупок и скребет его своим злым коготком все время, час за часом. Скука кастрировала науку и искусство, эротику и политику. А что может предложить нам власть в качестве противоядия от скуки? Известно что: порнографию и демонстрацию насилия. Никогда еще прозрачность секса (в его знаках, в его образах, в его нарративах) не была столь тотальной и столь самодостаточной, никогда еще массовые и единичные бойни не были столь неприкрытыми и находящими всеобщее одобрение, пошлый всеобщий интерес. И растет, крепнет связь между порно и политикой: чем больше технология войн разворачивает их в сторону механистического и систематического уничтожения, тем больше решения, которые их развязывают или их прекращают, подчиняются голым интересам выживания и самолюбования, цинизма и силы. Скука требует хлеба и зрелищ, прозрачности и гиперреальности, что значит порнографизма. Скука требует потребления и репродукции подловатых развлечений. Как же нам с этим бороться? А? Спротивляться как?

Скука дико боится автономизации субъекта. Автономизация означает, что субъект нашел увлекательное занятие, которым он поглощен. В этом своем занятии субъект делается отдельным, иным, отличным от скучающего и развлекающегося большинства. И если развлечения поставляются прежде всего массовыми технологиями производства, то занятия субъект находит через процедуры знания и формы субъективации, через то, что Фуко называет «технологиями себя». Именно с помощью этих технологий субъект конституирует себя в качестве такового. Речь идет об образовании себя через разного рода техники жизни. Исторически эти техники крайне разнообразны: это и древние формы вечернего сосредоточения и постоянной бдительности по отношению к себе, выработанные внутри философских школ античности; это и практики исповеди и саморефлексии, используемые в христианстве; это и методы социального и политического (само)анализа и активизма, практикуемые отдельными субъектами (и группами) в Новое время; это и некоторые психоаналитические, авангардистские подходы, перенесенные в сферу «культуры себя». (Как мы уже писали, политика может разворачиваться на уровне микрополитики «социальные практики — на уровне индивидуальных ежедневных практик.)

Таким образом, неплохое средство от скуки — воспитание и образование себя через изучение и критику способов отношения к себе. С помощью этого метода можно спровоцировать роман с реальностью, который принесет много удовольствия. А сейчас мы кратко перечислим лишь некоторые ежедневные техники, направленные против скуки:

- 1) упражняться в дружбе;
- 2) тренировать способность к полноценному восприятию мира во всем его многообразии;

- 3) тренировать способность к неформальной коммуникации;
- 4) упражняться в эротическом отношении к миру;
- 5) дисциплинировать свои эмоции и делать их артикулированными;
- 6) никогда не поддаваться тоске, унынию и депрессии;
- 7) постоянно устанавливать с собой новые отношения;
- 8) контролировать и знать все свои желания;
- 9) править собой, а не другими;
- 10) постоянно перестраивать свои отношения с другими, вытравливая из них интонации власти.

Ну, и так далее.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Ненавистью к скуке (которая была частью более широкой ненависти к «обществу спектакля») были одержимы ситуационисты. Они разработали довольно эффективные методы борьбы с унынием и пассивностью. Одной из их наиболее интересных находок была идея *derive*. Это идея экспериментального «присвоения города» группой сопротивленцев. Жизнь участников эксперимента в процессе такого присвоения делается гораздо более интенсивной и яркой, чем это может представить себе какой-нибудь обыватель. Итак, в чем заключается эта идея? С помощью собственных чувств и их документации объективные карты города превращаются в субъективные. Однако это не субъективность бреда или романтической грезы, а субъективность нового культурно-политического проекта, рождающегося в процессе эксперимента. Город разделяется на зоны, каждая из которых получает свою функцию. Зоны имеют свои символические значения, даваемые им ситуационистами. Эти значения пересекаются с реальными историческими значениями тех или иных городских районов. Деконструируются старые смыслы и возникают новые. Конспирация переплетается с фантазиями. Предшественниками ситуационистов в этой игре были сюрреалисты, которые приходили в восторг от случайных городских встреч и происшествий, от иррациональных необъяснимых инцидентов на улице. В отличие от них ситуационисты подчеркивали урбанистический и социальный характер «*derive*», указывали на сопротивленческий подтекст своей игры. В 1957 году (то есть в год основания ситуационистского интернационала) ими была учреждена фиктивная Лондонская психогеографическая ассоциация, которая и занималась проблемами "психогеографической картографии" — *derive*. Впрочем, игра вовсе не была бумажной и домашней: ситуационисты действительно бродили по Парижу (и другим европейским городам), изучали его, обсуждали план города, а также катались по улицам на велосипедах. Психогеография приносила, по всей видимости, массу сопутствующих удовольствий: споры, сидение в кафе и т.п.

38. Технологии сопротивления: выебываться

Выебываться — это значит сознательно сопротивляться ходу истории и порядку вещей, понимая, что силы неравны и ты, в общем-то, обречен. Многие сопротивленцы (прежде всего эстеты и интеллектуалы) только и делали, что выебывались. Только

один исторический пример для иллюстрации этого положения.

Как известно, Просвещение пробудило к жизни силы, противоположные ему по качеству и направлению. Культура капиталистического города, рационализм среднего класса, новые общественные отношения вызывали ожесточенное сопротивление. Буржуазная цивилизация очищала жизнь от страсти и карнавала, освящала собственность и семью, разграничивала частную и публичную жизнь, признавала право на насилие за одним государством и оставляла человека наедине с его жизненным циклом. И конечно, эта цивилизация вызывала к жизни встречные яростные сопротивленческие движения, отрицавшие собственность, семью и рациональность, полные антибюрократического протеста, уверенные в своем праве на насилие, сливавшие частную и публичную жизнь, дававшие новые обещания бессмертия. Просвещение шло из европейских центров, сопротивление питалось прежде всего местными традициями. Силы сопротивления были более разнородными, специфичными, культурно насыщенными.

Протест принимал разный характер — мистических пророчеств, крестьянских восстаний, религиозных ересей, социальных революций, праздничных карнавалов, космических утопий, ностальгических сетований, индивидуального и массового террора, философских теорий, художественных течений. Если в политике и экономике идеи сопротивления рано или поздно терпели поражение или вливались во властные структуры, то в культуре именно сопротивление (в качестве архаики, неофольклора, декадентства, авангардизма, оккультизма и мистики) часто оказывалось весьма продуктивным (и тоже рано или поздно вливалось в буржуазную культуру). Сопротивление Просвещению сочетало общий для романтической и постромантической эпохи протест против рационализма со специфическими местными антибуржуазными выпадами. Формировалась богема. Бодлер целовал трупы и проповедовал Зло. Ван Гог отрезал ухо. Флобер убил мадам Бовари. В России декаденты вели антизападную агитацию и пили кровь монгольских кобылиц. В Бельгии символисты блевали. В Германии мистические тенденции сочетались с сифилитическими симптомами. А что в это время было в Африке? Рембо. Но в целом все это выглядело великолепно: отчаяние, стриптиз, протест, понт и выебон. Переоценивались ценности, денди становились демократами (и наоборот), делались карьеры, добывались наслаждения, пахло революцией. Сопротивление? О'кэй, сопротивление. Ницше спятил и стал Распятым.

39. Технологии сопротивления:

куковать, квакать, кукарекать

Посвящается Делёзу и Гваттари

Поздней осенью 1997 года авторы этой книги явились в венскую кунстхалле на лекцию директора Музея современного искусства в Нью-Йорке (МОМА) мистера Гленна Лоури, говнюка. Лекция была посвящена деятельности музейной администрации в современных условиях. На лекции присутствовало всего 12-14 человек — местные музейщики во главе с директором кунстхалле герром Маттом — мелким популистом и бюрократам. Сам мистер Лоури также был известен нам как

реакционер, демагог, модник и интриган. Мы пришли на его лекцию специально для того, чтобы выразить ему наше отвращение. Слышите, мистер Лоури?!

Через пять минут после начала лекции стало ясно, что все ее куцее содержание — бодяга и пустомельство. И тогда мы начали квакать. Ничего больше: просто квакать, как болотные лягушки. Ква-ква-ква...

Мистер Лоури обалдел. Он перестал нести чушь и поднял глаза от конспекта. Герр Матт тоже обалдел. Обалдели и остальные. Мы перестали квакать. Обалдение чуть спало.

Мистер Лоури продолжил лекцию. Мы, в свою очередь, возобновили кваканье. Мистер Лоури снова остановился. Герр Матт решил принять меры. Он позвал к себе какого-то раба, который через секунду подскочил к нам и попросил прекратить. Мы прекратили. Мистер Лоури продолжил. Мы возобновили кваканье.

Короче говоря, нас выгнали на хуй с этой мозгоебной лекции. Ну и что? Зато мы поквакали в свое удовольствие. Квакать нужно! Но нужно это делать так, чтобы кваканье не становилось конвенцией, приемом, эстетикой. Кваканье должно вызывать ненависть, а не одобрение окружающих. Надо изощряться в своем сопротивлении и всегда помнить о формуле Маркса: «Великие события мировой истории случаются дважды: один раз как трагедия, второй раз как фарс». Если вы квакаете второй раз, делайте это более опасно и дико, чем в первый. И смейтесь: и над собой, и над кваканьем, и над противником! Хорошее настроение — и никаких депрессий.

40. Технологии сопротивления: яйца в лоб

Мы уже писали о движении тортометателей, посылающих в физиономию противника кремовые изделия. Однако сами мы принадлежим к сторонникам яйцететателей, то есть швыряющих в представителей власти куриные продукты. Мы бросали яйца в лбы в Любляне, Вене и в Пескаре (Италия). Все это происходило в контексте современного искусства. Дело в том, что мы рассматриваем актуальную арт-систему как модель большой политической системы. Ведь культура вовсе не является надстройкой в обществе: она один из базисных действенных механизмов власти, важный рычаг управления телами и сознанием миллионов людей. Именно в культуре разрабатываются способы воздействия власти на тела — те способы, которые в дальнейшем могут распространиться на все сферы. И, кстати говоря, арт-система во всей этой конфигурации играет важнейшую роль: она структурирует, группирует, отсеивает, процеживает, сортирует властные стратегии и идеологические элементы. Поэтому борьба против международной художественной системы — это борьба против политической системы, ничуть не меньше. Да-с.

Итак, мы швыряли яйца. В Любляне это было следующим образом. Одного из авторов этой книги пригласили участвовать в большом арт-проекте «Body and the East», посвященном перформансу, боди-арту и акционизму в Восточной Европе. В ответ мы послали видео с документацией нашей политической акции в Берлине («East Side Gallery»). Но куратор люблянского проекта не захотел показывать это видео и настаивал на жопшном боди-арте. Но для нас боди-арт — это вонючее дерьмо

собачье, в то время как политическое искусство — важно и актуально. И вот мы написали листовку, в которой заявляли, что не согласны с мнением куратора и поэтому намерены кидать яйца в публику. И действительно, мы приехали в Люблян и на открытии этой выставки разбросали листовки и начали метать яйца в собравшихся любителей искусства. Это происходило во время торжественной речи министра культуры Словении, и одно яйцо досталось ему. Было охуительно! Просто охуительно!

В Вене все случилось иначе. Мы появились в местной Академии художеств на итоговой выставке студентов. Известно, что студенты могут быть настоящими революционными щенками, но здесь, в Вене, это маленькие жополизы и конформисты. На выставке была масса народа, ее курировал Харальд Сцееман, очень известный и уважаемый швейцарский дядечка. После торжественной речи все отправились пить и жрать в импровизированный буфет. Тут-то мы их и начали бомбардировать яичками. Однако через полторы минуты нас свинтили профессиональные местные вышибалы — настоящие нацистские держиморды. Они вызвали полицию. Нас в конце концов отпустили, но позднее выяснилось, что дело в полиции все-таки было открыто. Какие-то гады из публики донесли на нас. Мы официально сейчас заявляем: Австрия — репрессивная и полицейская держава, государство овчарок и шпионов. Позор Какании!

В Италии было веселее. Мы закидали яйцами публику и стенды спонсоров выставки. Так им и надо!

Мы думаем, что и дальше будем кидать яйца.

41. Технологии сопротивления: принять душ

Сколько людей на свете может позволить себе ежедневно принимать душ? Во всяком случае, таких людей больше в Западном полушарии, чем в Восточном. А ведь это так необходимо, чтобы прийти в себя и набраться сил. Принять душ для сопротивленца — это не шутка. Это нужно, чтобы не чувствовать себя больным, грязным, истасканным, переутомленным. Необходимо везде построить душевые кабинки. Во всех наших тоскливых мегаполисах и унылых городишках — светлые душевые кабинки.

42. Технологии сопротивления: любовь

Памяти Фердинанда Селина

О любви мы не будем много распространяться. Но вспомнить о ней хочется. Воздушный поцелуй! В самое душло.

ТРИНАДЦАТЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Только не нужно смешивать любовь и хиппи, любовь и Джона Леннона с Йоко Оно, любовь и говнодавную кинематографическую пошлость. Любовь — это не хиппи. Что такое любовь, нужно решать в индивидуальном порядке. Воздушный поцелуй! Румынский поцелуй! В душло и в ствол!

43. Технологии сопротивления: СТЫДИТЬСЯ

Стыдно все время болтать о сопротивлении. Стыдно называть себя революционерами, борцами, диссидентами. Чудовищный, ужасающий стыд сжимает горло. Авторы этой книги — не сопротивленцы, авторы этой книги — чуть-чуть хулиганы. Нам просто смертельно тоскливо в этом мире, который построили наши папаши и дедушки, наши мамы и бабушки, наши приятели и приятели приятелей. (Но не мы, не мы.)

У, как стыдно! У-у-у!

44. Технологии сопротивления: хихикать над этой книгой

Хихикать над этой книгой: хи-хи-хи! Хи-хи-гщ! Хи-хи-хи!

Хи-хи-ха-ха! Хи-хи-ха-ха!

Хи-хи-ха-ха! Хи-хо-ха-хи!

Впрочем, поплакать над ней-тоже полезно.

Вообще: не доверяйте теории! Раз и навсегда.

45. Технологии сопротивления: прямое столкновение, конфликт

Мы проповедуем прямое столкновение. Только непосредственные физические контакты могут изменить этот мир к лучшему. Обнять того, кому объятие ненавистно. Поцеловать того, кто боится этого, как яда. (Все это, разумеется, в поле политических отношений.) Схватить за жопу того, кто думает, что его жопа — храм Божий. Вот что надо.

Прямое столкновение означает некамуфлированный конфликт. Конфликты, как известно, бывают разного рода. В гипертрофированно-антагонистическом обществе в ответ на уличный вопрос «Который час?» дают по физиономии или посылают на хуй. В политически корректном обществе ответ на этот вопрос сопровождается вежливо-фальшивой улыбкой. Конфликт, как его понимаем мы, есть необходимое признание различий и антагонизмов, которые включаются в сферу диалога и обсуждения. Конфликт не продуцирует ложный консенсус, но настаивает на процессуальном и дискретном бытовании культуры. Конфликт нарушает ритуализованные и нормативные связи в обществе, чтобы обнаружить их регулирующий репрессивный характер.

Прямое столкновение: выявлять и вскрывать, как ножом, табуированные или сглаженные зоны разногласий и несоответствий, различий и неопределенностей. Защекотать равнодушие и уклончивость острыми пальцами внимания — такова цель.

46. Технологии сопротивления: препарировать идентичность

Книжка наша подходит к концу. Но еще раз: сопротивление, где бы оно ни возникало, всегда ставит под вопрос статус индивидуальности. Это принципиально, поэтому скажем об этом еще пару слов.

С одной стороны, сопротивление утверждает право быть иным, то есть делает индивидуума индивидуальным, с другой же стороны, оно борется против стереотипизации идентичностей. Мы уже знаем, что идентичность может иметь как освобождающий, так и закабаляющий эффект. Вообще говоря, идентичность — это привилегия, а не заранее данная сущность (субстанциональность), так уж повелось в нашем хреновом мире. Идентичность — это культурно и социально конструируемый продукт, эффект дискурсивных практик, а не их причина. Это фикция с разными функциями (репрезентативными, репрессивными, превентивными, презервативными), и следует строго различать, в какой специфической ситуации происходит конструирование данной идентичности, чьи интересы здесь преследуются, является ли идентичность насильственно навязываемой или более-менее добровольно утверждаемой. Идентичность может служить мощным оружием в контексте, где существуют идеология и политика идентичности, которые регулируют доступ к культуре и капиталу. Тот факт, например, что идентичность — это конструируемый продукт, вовсе не означает, что репрезентация (скажем, меньшинств) осуществляется представителями идентичности. (Меньшинство — всего лишь объект дискурса, но само оно лишено права говорить о чем хочет, то есть меньшинство служит для проекции интересов большинства.) И если представители (меньшинств) все же получают возможность говорить, то они могут говорить только на «свои» темы и тем самым фиксировать свою идентичность. Так власть осуществляет свою политику на уровне индивидуумов.

Таким образом, формы сопротивления, имеющие дело с политической проблемой идентичности, не направлены «за» или «против» индивидуума, а сосредоточены на борьбе с властью, осуществляющей себя в поле индивидуализации. Такое сопротивление направлено против власти, проводимой в ежедневной жизни в самых разных структурах: на рынках, в магазинах, в паспортных отделах и посольствах, в городских трущобах и на вернисажах. Власть повсюду наделяет индивидуума идентичностью и связывает его этим. Идентичность, навязываемая властью, творит над индивидуумом поганые игры: глумится, обманывает, вселяет ужас, хулиганит. Как с этим совладать? Ответ ясен: не отказываться от идентичности, но сделать ее гибкой, как гимнастка, и неуловимой, как пуля. Сделать ее круглой, как шар.

47. Технологии сопротивления: смотреть телевизор

Смотреть телевизор — это разгораться яростью.

Разгораться яростью — это становиться неуправляемым.

Становиться неуправляемым — это выйти из дома. Выйти из дома — это оказаться на

улице. Оказаться на улице — это запылить подошвы. Запылить подошвы — это замутить воду. Замутить воду:— это вспугнуть акул. Вспугнуть акул — это раздражить Спилберга. Раздразнить Спилберга — это пошатнуть доллар. Пошатнуть доллар — это съесть все маслины. Съесть все маслины на свете — это рыгнуть. Рыгнуть — это вызвать неудовольствие папы. Вызвать неудовольствие папы — это смыть Ватикан. Смыть Ватикан — это вызвать панику всюду. Вызвать панику всюду — это очень трудно. Очень трудно — это быть сопротивленцем. Быть сопротивленцем — это смотреть телевизор. Смотреть телевизор — это видеть голод. Видеть голод — это топтать ногами. Топтать ногами — это помнить об октябре. Помнить об октябре — это читать «October». Читать «October» — это думать о слабости. Думать о слабости — это вызывать хохот. Вызывать хохот — это недостаточно. Недостаточно — это все, что есть. Все, что есть, — это бейсбол и Африка. Бейсбол и Африка — это безысходность. Безысходность — это вопль негодования. Вопль негодования — это остановка инерции.

Остановка инерции — это то, что нужно. То, что нужно, — странные действия. Странные действия — это неопишимо. Неопишимо — это нонсенс. Нонсенс — это надоело смертельно. Надоело — это отвратительно. Отвратительно — это власть над телами. Власть над телами — это срам и ужас. Срам и ужас — это власть над мыслями. Власть над мыслями — это то, что достигнуто. Достигнутое — это выгнутое, как спина. Спина — это бегство или соблазнение? Соблазнение — это старо, как мир. Мир — это прибежище пошлости. Пошлость — это власть, власть. Власть — это то, что всегда присутствует. Всегда присутствует — это то, что плохо. Плохо — это то, что есть. Есть — это набираться сил для сопротивления.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

В 1995 году во Франции поднялась, как седовласая безумица, волна стачек и демонстраций, сопровождаемая разнообразными требованиями к власти со стороны протестующих. Волна эта стала известна под названием «Социальное движение ноября 1995 года». Считается, что большая и свирепая демонстрация за права женщин сработала во всем этом движении, как катализатор. За женщинами поднялись рабочие, интеллектуалы, иностранцы, бездомные, подростки и люмпены.

С 1996 года начало неудержимо расти сопротивление эмигрантов, которое во Франции действовало в основном нелегально, поскольку законы об иностранцах здесь всегда были страшно репрессивными. Протест 1996 года начался с осуждений насильственного трансферта, с акций против произвола бюрократии и насилия полиции. Группы протестующих иностранцев получили название «Sans-papiers» («Без бумаг»); это название описывало как их нелегальную ситуацию, так и их требования легализации и признания их прав. В конце концов эти требования вылились в захват парижского собора Сент-Амбруаз в марте 1996 года. Тридцать нелегалов оккупировали собор и удерживали его до штурма полиции.

Все эти события вызвали массовый протест против законов об эмигрантах в начале 1997 года. Ушел министр внутренних дел Дебре, изменился влево состав правительства. Прошли демонстрации парижан в поддержку иностранцев-нелегалов. однако именно после видимой консолидации левых «Sans-papiers» почувствовали себя обманутыми. В июне 1997 года Министерство внутренних дел объявило, что все

эмигранты будут абсорбированы, если они явятся в префектуры и зарегистрируют себя. 150 000 человек вышли из подполья и дали свои данные правительственным функционерам. Однако легитимного положения добилась лишь половина этих иностранцев. Зато теперь полиция имеет адреса всех участников движения. Свиньи! Фараоны!

С марта 1998 года возобновились демонстрации, акты протеста и захваты зданий в Париже и пригородах столицы. Но число сочувствующих сократилось. Насильственная высылка в марте 12 человек в Мали вызвала беспорядки в аэропорту и последующие протесты интеллигенции. Прошли бурные демонстрации бездомных. Неимущие вышли из тени, организовались в сопротивленческие коллективы и показали обществу свои нелояльные физиономии. Что-то еще будет?

Однажды в несколько ином контексте французский философ Жан-Франсуа Лиотар сказал, что французы — единственный народ в Европе, обезглавивший своего короля и инициировавший восхитительный и чудовищный бунт. Во Франции правительство вот уже два столетия воспринимается многими как враг, против которого можно и нужно решительно действовать. Да здравствует сопротивленческая Франция! Задрочим Елисейские поля до светопреставления!

48. Технологии сопротивления: быть номадом

Одно дело, сидя в своем профессорском кабинете, разрабатывать дискурс о номадическом сопротивлении, и совсем другое дело быть номадом на практике.

Очень хочется выспаться в чистой постели, съесть хороший завтрак, а то и пару месяцев просидеть в кресле, читая книжки и грызя орехи. Но слишком часто реальный номад лишен элементарных удобств и благодатного отдыха. Причем речь здесь идет не о бездомных, совершающих свое безнадежное странствие в никуда в сумерках разума, речь идет о тех, кто выбрал номадизм как философию, как кредо, как стратегию сопротивления. Любая оседлость, всякое гнездо в сегодняшнем мире отвратительны, ибо навязывают нам душную местную специфику, борьба с которой в конце концов изнуряет нас, высасывает все силы и усыпляет в липкой паутине родной утробы. Нужно передвигаться, нужно чувствовать и понимать весь мир, чтобы сопротивляться локальной власти в себе и в конкретном пространстве. Номадизм дарует полноценный горизонт бытия и необходимые знания, которые не приобрести, сидя на одном месте. Особенно важен номадизм для сопротивленцев из третьего мира: он помогает освободиться от провинциальных и анахронических элементов в картине мира. Но не менее важно и путешествие в третий мир представителей первого: это излечивает от вируса универсализма. К сожалению, поездки под эгидой институций чаще всего оказываются малоэффективными, они слишком похожи на туризм. Только индивидуальный номадизм, только персонально выстроенная стратегия бездомности могут принести действительно интересные результаты: встречу с министром обороны Зимбабве в Любляне, знакомство с баскскими метательными аппаратами в Толедо, randevu с тенью Дэвида Войнаровица в Мехико-сити.

Но как быть номадом без копейки в кармане? Трудно это, бесконечно трудно. Проще всего использовать в качестве прикрытия профессию художника или литератора, но в

действительности оставаться сопротивленцем и при любом возможном случае наносить удары по:

- а) власти в себе самих и своих ближних;
- б) коррумпированности окружающих;
- в) хамству и высокомерию;
- г) социальному равнодушию;
- д) вездесущей конкурентности;
- е) жадности и капиталистической хищности;
- ё) полицейскому контролю;
- ж) убожеству;
- з) лицемерию.

49. Технологии сопротивления: орать

Есть один детский, но вполне действенный способ сопротивления: орать, вопить до посинения. В ответ на всякую мерзость — вопль, в ответ на любую гадость — крик. Действует лучше сидячей забастовки. В тюрьму за это не посадят, денежный штраф не присудят. Самое худшее, что может случиться, — выведут вон из затхлого помещения на воздух. Это всегда полезно.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Замечательный американский художник, писатель, актер и социальный активист Дэвид Войнаровиц всю свою жизнь издавал мощные артикулированные вопли. Его работа может служить великолепным примером одинокого сопротивления. В 80-е годы, когда происходило тотальное и повсеместное приручение культуры властью, Войнаровиц противостоял последней как великий Монтесума, как единственный нелоботомированный партизан. Его творчество несет в себе память о некоем синкретическом культурном потерянном богатстве, о грандиозной песне культуры, распеваемой в пустыне власти. Его искусство не обслуживало индустрию дискурсов, не паясничало в угоду кучки псевдоинтеллектуалов. Оно вопило—о несогласии, о коллапсирующей безнадежности, о прорывающейся сквозь оконные решетки любви. Эти косноязычные дикие слова — наши цветы на могилу Войнаровица.

50. Технологии сопротивления:

**пулять из рогатки, швырять булыжниками,
размахивать кулаками**

Нуждаются ли эти (и подобные им) технологии в каком-либо комментарии? Честно говоря, нам надоело все это обсуждать, надоело до чертиков.

Мы должны сейчас прямо заявить; мы не любим письмо и не доверяем ему. Работая над этой книжкой, мы убедились, что описывать сопротивление невозможно.

Сопротивление принципиально противостоит нарративу о сопротивлении. Дело в том, что сопротивленец, если он действительно сопротивленец, а не имитатор, ничему не подражает, он идентифицируется с продуктивной свободой момента, идентифицируется с самим собой и своим актом. Пулять из рогатки — это просто здорово, поскольку мир этого не хочет, мир этого боится. А если пулять из рогатки означает вписываться в репродуктивные или имитативные структуры — это значит, что тот, кто пуляет из рогатки, — принадлежит к власти. Пусть это будет власть марксизма, власть структурализма, власть анахронизма или власть тьмы. Пулять из рогатки — это значит испытывать и переживать момент в его реальной волнующей наполненности, ничего больше. Все остальное — в большей или меньшей степени мозгоебство.

5I. Технологии сопротивления: ведать феминизм

Понятие «феминизм» в неспецифическом виде сомнительно, поскольку феминизм как таковой не существует, есть, скорее, отдельные формы активности и теории, которые осознают себя как феминистические, — эти формы гетерогенны. Продуктивно понимать под феминизмом следующее: действие из такой позиции, которая ставит под вопрос универсальность патриархальных дискурсов, анализирует исторически конституированные различия полов, проблематизирует амбивалентность собственного анализа внутри большой игры дискурсов. Феминизм в этом смысле — это не банальное «переворачивание» власти с мужского на женское, это не лживое утверждение равноправия женщин и мужчин, это, скорее, критика и деконструкция гегемониальных систем теории и репрезентации. Проект феминизма принципиально работает против различных, но всегда благополучно уживающихся друг с другом механизмов дискриминации и иерархизации. Невозможно, например, редуцировать феминизм на тематизацию сексизма. Режим дискриминации манифестируется не только в сексизме, но и в экономических и этнических механизмах общества. Это означает, что идентичность пола невозможно отделить от политических и социокультурных связей, эта идентичность всегда пересекается с расовыми, этническими, региональными и классово-специфическими модальностями.

Субъект женщины невозможно описывать фиксированными и трансцендентальными понятиями: такова аксиома феминистической теории. Но что же тогда представляет из себя субъект феминизма? Как феминистическая теория ставит под вопрос представление о фиксированном субъекте?

Радикальность феминизма как раз и заключается в том, чтобы говорить от имени женщин предельно дифференцированно, чтобы разрабатывать язык, который многосложно репрезентирует женщин и их политическое присутствие в обществе. Категорию «женского» невозможно отрицать, но необходимо постоянно указывать на условность и нестабильность этой категории. Иными словами: категорию «женского» нельзя понимать как универсальную категорию идентичности, а, наоборот, следует детально демифологизировать и демонтировать любые универсалистские коннотации этой категории. Категорию «женского», как и другие базисные понятия, следует понимать как место перманентной войны, как место, где основы и истоки непрерывно разоблачаются и подвергаются сомнению.

Процессы конструирования субъекта всегда связаны с механизмами исключения. Понятие «женщина», присуждающее идентичность субъекту, не только описывает, но и исключает, нормализует, дискриминирует. Через это базисное понятие осуществляются самые беспощадные и изощренные отношения власти — в семьях, частных группах, социальных коллективах. Война против этих отношений должна быть постоянно в центре внимания сопротивленца.

52. Технологии сопротивления: женщина—невидимка

Чтобы действовать наиболее эффективно, сопротивленец должен превратиться в женщину-невидимку. Что это такое? Да просто-напросто: женщина-невидимка. Превратившись в женщину-невидимку, сопротивленец должен устроить сидячую забастовку. Эту забастовку никто не должен увидеть. Потом женщина-невидимка должна подняться на Эмпайр-стэйт билдинг и начать свистеть. На свист слетятся вороны со всего Нью-Йорка. Этим воронам женщина-невидимка даст маленькие металлические пилки — для перепиливания тюремных решеток. Вороны полетят во все тюрьмы Америки и незаметно передадут пилки заключенным. Заключенные перепилят решетки на своих окнах и сбегут из тюрем. Они поднимут всеамериканское восстание и свергнут американский президентский режим и разрушат Пентагон. Женщина-невидимка будет смеяться. Ее смех передадут по телевидению.

А сейчас она стоит на смотровой площадке Эмпайр-стэйт билдинг и смотрит в небо. Суки! Суки!

53. Технологии сопротивления: не существует

Пятьдесят третьей технологии сопротивления не существует. Может быть, читатель сам найдет ее и осуществит. Счастливо!

54. Технологии сопротивления: быть демократичным

Самое трудное — это быть демократичным: при любых обстоятельствах. Что это вообще такое? Самое, самое трудное. Быть не властным, но и не безвластным: быть демократичным. Возможно, это не слишком удачное слово. Но у нас все слова уже кончились.

Послесловие

Не хотелось бы заканчивать книжку на этой кокетливой фразе: все слова уже кончились. Однако нам действительно уже нечего сказать. Мы все-таки думаем, что сопротивление действительно может осуществляться только здесь и сейчас — в конкретной, местной ситуации, специфическими способами. В одном контексте оптимально действуют работы какого-нибудь Гонзалеса-Торреса, в другом — «women only», а в третьем — пощечина или струя из водяного пистолета. Кое-где нужны настоящие ружья. Но мы не верим в напалм, в электрический стул и в коллективные осуждения в прессе. Бай-бай.

Эпилог!!!

Все-таки надо выразить свое мнение еще по кое-какому поводу. Только вот сейчас, пару минут назад, мы просмотрели очередной каталог, посвященный ситуационистскому интернационалу, еби его мать. И мы хотим заявить: да ведь это же типичная большевистская богема, все эти ситуационистики! Срать мы на них хотели.

Иногда, когда мы стряпали эту книжку, мы дико ругались. Наши взгляды расходились, разбегались в разные стороны. Это естественно: Бренер — представитель третьего мира, самоучка и кустарь, нахватавшийся с мира по нитке, в то время как Шурц — девушка из Австрии, то есть страны стерилизованных морских свинок, наследница Какании и традиций General! Foundation — институциональной критики, ебано в рот. Да, весьма разные биографии, зато мы любим друг друга, черт подери! Трахаемся часто.

Мы писали эту книжку быстро, по-панковски. Много выскочило, наверное. Зато был приобретен охуительный опыт: мы влюбились один в другого, как кролики, как котята. С другой стороны, мы попробовали стать настоящими революционными щенками: кидали яйца, квакали и тому подобное. Мы писали книжку. То есть мы любили, бунтовали и анализировали. Что еще можно спросить с человека?

Книжка написана для таких же, как мы сами. То есть для индивидуумов, которые еще не вписались в чертовы институции, которым индустрия дискурса еще не промыла мозги, которые все-таки верят своему чутью и разуму. Нужно дифференцировать, нужно отделять, нужно различать, дорогой читатель! Все время!

Чего мы очень хотели в этой книжке? Мы хотели реабилитировать самые смехотворные и дискриминируемые человеческие жесты: плевки, сморканья, пердеж, выстрелы из рогатки, высунутые языки, кукиши и дурацкие рожи. Мы хотели сказать, что можно по-всякому выражать свое отвращение к власти, только не надо пасовать и помалкивать. Каждый может бороться, каждый может сопротивляться! Только нужно иметь мужество высунуть кукиш, а не показывать его в кармане.

Но в то же время нужно понимать, что сопротивление (простите нам это громкое слово) — это всегда интеллектуальное усилие, а не какое-нибудь хамство. Хамство — в жопу! Долой хамство! И по возможности, никакого цинизма!

Некоторые термины, используемые в этой книге:

1. Сигнификация — создание и употребление людьми знаков общения, придание им определенных значений и смыслов.
2. Конститутивный - составляющий сущность чего либо, определяющий, основополагающий.
3. Редуцировать – сокращать, сводить к меньшему объему, числу и т.п.

...Небольшая просьба. Не позволяй книгам гнить на полках. Помни, что для их производства нужно срубить деревья, изготовить бумагу, и приложить немалый труд, чтобы превратить её в книгу. Поэтому здорово, если после прочтения книги ты подаришь её кому-нибудь, или дашь почитать, или оставишь в каком-нибудь людном месте...

*Автономное издательство
2011*